

Космёр
11
НОВАБРЬ
1973

Костёр

11
НОЯБРЬ

1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1973 г.

ПИОНЕРСКИМИ МАРШРУТАМИ

АРАРАТСКИЙ
„КОСТЕР“

42

РЯДОМ
И ЧУТЬ-ЧУТЬ
ВПЕРЕДИ

39

РИСУНКИ И
ПАМЯТНИКИ
НИКОЛАЯ
АНДРЕЕВА

1

На обложке
„Штурм Зимнего“
Рисунок Ю. Клыкова

СКУЛЬПТОР ПРИХОДИТ В РЕВОЛЮЦИЮ

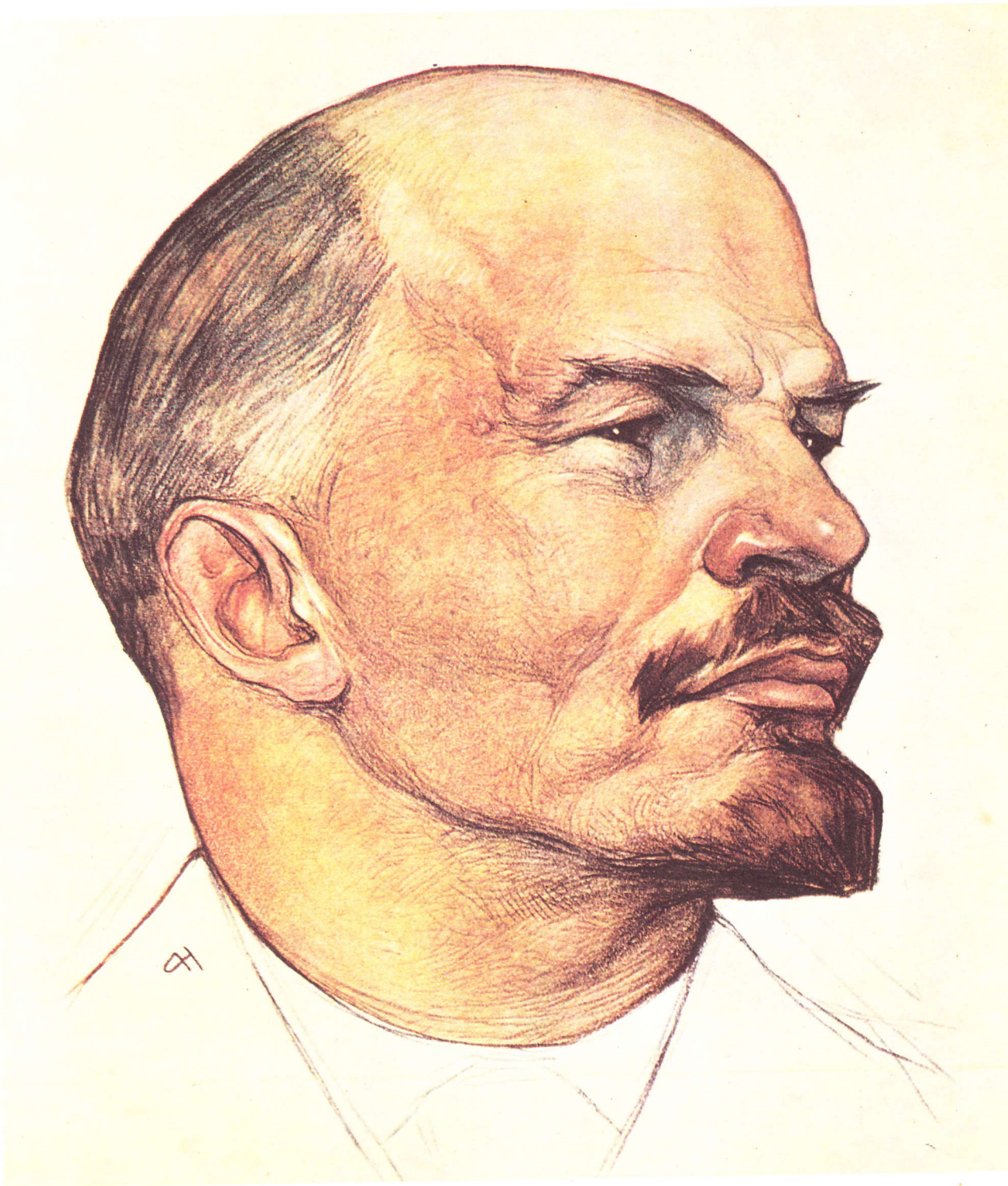
Москва в разгар гражданской войны. Хлебные очереди на улицах. Мерный шаг уходящих на фронт рабочих отрядов. И в полуголодном, отдающем все силы фронту городе — открытие памятника. Торжественное открытие с музыкой, речами, пением «Интернационала». Люди в шинелях, кожанках, рабочих блузах. Одни пришли прямо с заводов, другим — завтра на фронт. И вот слетело белое покрывало. Высокий обелиск, у его основания плита с текстом советских законов, а перед обелиском статуя: молодая, прекрасная женщина — Свобода...

Скульптор, ее создатель, стоял в толпе, оживленно обсуждавшей памятник. Звали его — Николай Андреевич Андреев. Это был уже немолодой человек, опытный, известный: он поставил знаменитый памятник Гоголю в Москве, ему позировали Толстой и Репин.

Памятник Советской Конституции, как и десятки других в Петрограде и Москве, возводился по ленинскому плану монументальной пропаганды.

Молодая республика Советов, несмотря на голод, разруху, войну ставила десятки памятников: революционерам, ученым, народным вождям, писателям — людям, которыми гордится человечество. Возвышаясь на улицах и площадях, они

Владимир Ильич Ленин
Рисунок 1920 г.

**Памятник
Александру Ивановичу
Герцену**
1922 г.

**Памятник
Николаю Васильевичу
Гоголю**
1909 г.

должны были приобщать простой народ к культуре, к искусству. В этом и состояла суть ленинского плана.

Республика была ограничена в средствах, поэтому монументы возводили не из прочных дорогих материалов — бронзы и мрамора, а из гипса и цемента — дешевых, но недолговечных... Наверное, тяжело было созывать скульпторам, что их произведения разрушат время и непогода. Однако скульпторы вкладывали в работу всю душу. Они понимали: памятники нужны революции. Понимали это и наши враги: они запу-

„Ленин — вождь“
1932 г.

гивали скульпторов, а то и уничтожали дело их рук. От бомбы, брошенной затаившимися белогвардейцами, погиб памятник Робеспьеру в Москве.

Андреев одним из первых откликнулся на задание Ленина. В кратчайшие сроки он создает несколько памятников и скульптурных портретов. А сколько глиняных моделей, закутанных во влажные тряпки — чтобы глина не потрескалась, ждут своего часа в мастерской... Кажется, одному человеку не по силам завершить начатое. Но у Андреева новые замыслы. Его герои — революционеры прошлого. Но ведь сам он современник революции — Великой, Октябрьской. Не пора ли показать революционеров настоящего?

И Андреев меняет тишину мастерской на рабочую атмосферу заседаний ВЦИК и конгрессов Коминтерна, а станок и ящик с глиной — на легкий альбом и карандаш.

В альбомах появляются зарисовки Дзержинского, Калинина, Чичерина, Клары Цеткин. Наверное, очень удачные — недаром портретируемые охотно расписываются под рисунком.

Весной 1920 года Андреев получает разрешение работать в кабинете Ленина в Кремле. Немногим художникам выпадала такая честь.

У Владимира Ильича с художниками был уговор: никогда не позировать специально. Не было времени. К тому же, считал Ильич, если позировать — пропадет естественность, а без нее не получится хороший портрет.

Не позировал Владимир Ильич и Андрееву. Работал: писал, принимал посетителей, разговаривал по телефону.

Андреев приходил в Кремль с альбомом и комком пластилина в руке, станок и ящик с глиной не брал, чтобы не загромождать небольшой ленинский кабинет. Так и лепил — прямо на руке. Откладывал пластилин, брался за альбом, делал зарисовки, стараясь передать характерное ленинское выражение лица, позу, жест.

Андреев создал более двухсот графических портретов Ленина, около ста скульптурных. Одни из них выполнены с натуры, другие — уже после смерти Ленина — по зарисовкам.

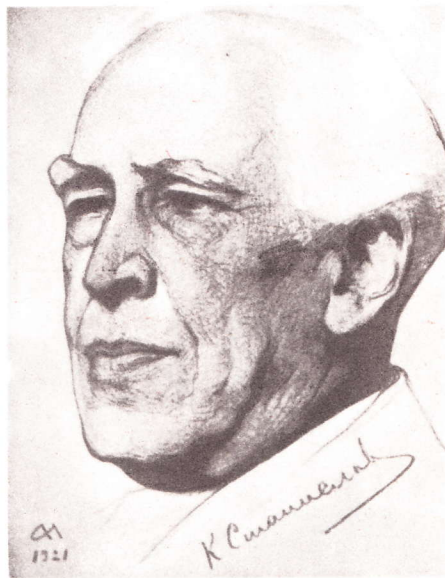
Возможно, что в вашей пионерской комнате, в классе или дома висит портрет Ильича работы Николая Андреева. До вас, пионеров — юных ленинцев, до вас, октябрят — внуков Ильича, художник донес облик любимого вождя.

Д. Боровский

**Портрет
Анатолия Васильевича
Луначарского**

Рисунок 1921 г.

**Портрет
Константина Сергеевича
Станиславского**

Рисунок 1921 г.

В Москву!

(Из новой книги рассказов о Гайдаре)

Поезд стоял на запасном пути.

Поезд как поезд. Только короче обычного. Паровоз и несколько вагонов. Но у подножек застыли часовые, а из вагонов по утрам выскакивали голые по пояс красноармейцы и весело плескались под краном водонапорной башни.

В поезде размещался Особый летучий отряд, которым командовал Ефимов.

В городе совсем недавно подавили белогвардейский мятеж, но офицерские банды еще рыскали по лесам, жгли хутора и деревни, а несколько дней назад налетели на станцию Рузаевка и в неравном бою перебили немногочисленных ее защитников. Поезд Ефимова появлялся внезапно, окна вагонов щетинились пулеметными дулами, красноармейцы на ходу выскакивали из вагонов, под прикрытием пулеметного огня бросались в атаку на белогвардейцев и громили их в коротких яростных схватках.

Потом поезд опять отставался на запасных путях, в вагонах играли на гармошках, и веселые парни плескались под краном водонапорной башни. Только было их чуть меньше.

Аркадий тоже ходил в бои с рабочим полком комиссара Чувырина, но после того как мятеж был подавлен, Николай Николаевич Соколов уговорил Аркадия пойти работать в большевистскую газету «Молот», которую тогда редактировал. Газета осталась без секретаря, и Николай Николаевич решил попробовать приучить к газетной работе Аркадия.

Дел было много, но каждый раз, когда выпадала свободная минута, Аркадий бежал на вокзал и, если поезд был на месте, ждал, когда появится Ефимов, чтобы попроситься к нему в отряд. Но Ефимов выходил из вагона всегда не один, а в окружении каких-то начальников, быстро проходил по платформе и уезжал в город.

В городе теперь размещался штаб фронта. На улицах появились автомобили, щеголеватые штабные командиры звенели шпорами, пробегали адъютанты с пакетами, скакали верховые. Тихий прежде город стал походить на военный лагерь, и Аркадию все это очень нравилось.

Не по душе было только одно: то ли его мать и Николай Николаевич сговорились и действовали сообща, то ли случилось это случайно, но мать дома, а Николай Николаевич в редакции нет-нет да и начнут свое: «Надо учиться, мал еще воевать, дел еще и здесь предостаточно!»

Аркадий и сам знал, что лет ему мало, всего четырнадцать, но по внешнему виду давали ему больше и чувствовал он себя намного старше. Поэтому на все уговоры матери и Николая Николаевича он отмалчивался, а сам все похаживал на вокзал и караулил Ефимова.

Наконец-то подвернулся удобный случай: Ефимов вышел из вагона один. Придерживая рукой шашку, он легко спрыгнул со ступенек, высокий, в черной кожаной куртке, в сдвинутой на затылок кубанке, с деревянной кобурой кольта на длинном ремне.

Аркадий подошел к нему и несмело сказал:

— Здравствуйте, товарищ Ефимов.

— Здорово! — Ефимов знаком руки остановил шагнувшего к Аркадию часового. — Что скажешь?

Аркадий приготовил длинную речь о том, что бывал в боях, помогал чекистам, был ранен, имеет личное оружие, но вместо этого совсем по-детски попросил:

— Возьмите меня, пожалуйста, в отряд!

Ефимов оглядел его с ног до головы и покачал головой.

— Молод еще...

— Ничего я не молод! — рассердился вдруг Аркадий. — У вас что — дедушки воют? Заладили: «Молод, молод!»

Ефимов рассмеялся и спросил:

— Тебе сколько лет?

— Шестнадцать, — не моргнув глазом соврал Аркадий.

— Понимаешь, какое дело... — задумался Ефимов. —

Отряд-то у нас особый. Ты в партии большевиков состоишь?

Аркадий растерялся. Он-то считал себя партийным, но как ответить Ефимову, чтобы это было правдой? В таком деле не соврешь.

— Если по сознанию, то партийный, — подумав, твердо сказал он.

— Так... — с интересом поглядел на него Ефимов.

Этот упрямый парнишка чем-то ему нравился.

— Сознание это, конечно, хорошо! — Ефимов наморщил лоб. — Но мне бумага нужна.

— Какая бумага? — растерялся Аркадий.

— Обыкновенная. С печатью, — радуясь собственной хитрости, объяснил Ефимов. — Что такой-то действительно есть член партии большевиков, что и удостоверяется.

— А с бумагой возьмете? — допытывался Аркадий.

— Какой разговор! — хлопнул его по плечу Ефимов. — Нет разговора!

— Ладно, — сказал Аркадий. — Будет бумага. Повернулся и ушел.

Ефимов почесал лоб под куланкой и спросил у часового:

— Слыхал?

Часовой рассмеялся:

— Гвоздь-парень!

— Все вы гвозди! — вздохнул почему-то Ефимов и, мрачный, полез обратно в вагон...

В тот вечер Аркадий допоздна сидел за столом и, прикрыв лампу поверх абажура газетой, что-то писал, рвал написанное, опять писал и опять комкал бумагу.

Уже давно спала сестренка Талка, мать все допытывалась, что это за писание такое по ночам, но потом тоже уснула, а он все сидел за столом, писал, перечеркивал, в клочья рвал бумагу и снова задумывался над чистым листом. Он сочинял заявление о приеме в партию.

Рисунки В. Орлова

Аркадий считал, что обычные слова для этого не годятся, и все искал и не находил таких, чтобы люди, от которых зависела его судьба, прочитав их, поняли, что не принять его в партию нельзя.

Уже под утро он собрал в кучу скомканные тетрадные листы и сунул в печку. На столе остался лежать один. На нем всего три строчки:

«В комитет партии большевиков.

Прошу принять меня в Арзамасскую организацию Р.К.П.

Ручаются за меня тов. Гоппиус, Вавилов».

Гоппиус — это знакомая ему Мария Валерьяновна, Вавилов — председатель укома.

Аркадий отнес заявление и стал ждать.

Душные августовские дни тянулись, как годы. Всегда веселый, он теперь ни с кем не разговаривал. Уходил в городской сад и часами сидел над обрывом. Есть он ничего не мог, только пил воду. Мать, не зная,

что с ним, чуть ли не силой тащила его к доктору. Ни к какому доктору Аркадий, конечно, не пошел, и Наталья Аркадьевна в слезах побежала в редакцию узнавать, что случилось с сыном.

Николай Николаевич как мог успокоил ее и рассказал, что происходит с Аркадием. Тут заволновалась сама Наталья Аркадьевна и, узнав, что завтра Аркадия вызывают в городской комитет, всю ночь что-то шила, гладила, штопала, и, когда заснувший уже под утро Аркадий открыл глаза, на стуле у его кровати лежал отглаженный отцовский защитного цвета френч и белая рубаша.

Комитет заседал все в том же знакомом Аркадию деревянном доме на Сальниковой улице. Только комнат освободилось больше, и в самой просторной из них стоял стол под красной суконной скатертью, на нем графин с водой и стаканы, а вдоль стен венские стулья с гнутыми спинками.

За столом сидели все знакомые Аркадию люди, только одного он не знал. Сидел он чуть сбоку, седоватый, в косоворотке и толстом мягком пиджаке.

Говорили про Аркадия хорошо, он даже считал, что слишком. Вспоминали его работу в училище, в партийном комитете, в редакции. И все сошлись на том, чтобы принять Аркадия Голикова в партию большевиков. Но тут поднялся человек в косоворотке, оказался он представителем губкома, и сказал так:

— Вы, конечно, лучше меня знаете товарища Голикова. И по всему, что здесь говорили, выходит, что человек он для нашей партии вполне достойный. Подходящий нам человек! Но не рано ли ему в партию?

Аркадий похолодел. Представитель губкома обернулся к нему и даже, кажется, подмигнул ободряюще. А потом спросил:

— Как у него с дисциплиной?

— Да все в порядке! — ответила Мария Валерьяновна. — Исполнителен, аккуратен... Горяч, правда... Но ведь в нашем деле лучше погорячиться, чем равнодушным быть. Так мне кажется!

— И мне так же кажется, — согласился представитель губкома. — Но зачем же по собору из пистолета палить? А, Голиков?..

Этого удара Аркадий не ожидал. Никто, никто в городе не знал про тот случай. То есть, что стрелял кто-то — знали, но кто это был, оставалось неизвестным. А он знает! Откуда? Сидящие за столом тоже недоуменно переглянулись, а представитель губкома, пряча улыбку, объяснил:

— Я тогда, если помните, через ваш город в Нижний ехал. Транзитом, так сказать. Из ссылки. Ну-с... Сажу в пролетке, наслаждаюсь свободой передвижения, вдруг — нате вам! Стрельба, крики... Гляжу, какой-то реалистик через церковную ограду и — ходу! Было такое, Голиков?

— Было... — прошептал Аркадий. — Ну и память у вас!

— Милый!.. — рассмеялся человек. — Ты, слава тебе, в тюрьмах и ссылках не бывал. Выйдешь на свободу и не то что каждого человека разглядываешь, листик на дереве один от другого отличишь!.. Так что я не против, товарищи! Но поглядеть надо, как себя покажет. Стаж, что ли, ему испытательный определить. А то опять по соборам палить начнет!

Все посмеялись и покивали Аркадию: «Иди, мол, все в порядке!»

Аркадий потоптался у дверей и сказал:

— Мне бумага нужна.

— Какая еще бумага? — удивилась Мария Валерьяновна.

— С печатью, — объяснил Аркадий. — Что такой-то, та-

кой-то... Ну, что приняли меня в партию!

— Да зачем тебе?

— Нужна, — мрачно повторил Аркадий.

— Будет тебе бумага, — засмеялся представитель губкома. — Иди!..

Ефимов стоял у вагона и разглядывал бумагу с печатью городского комитета. Потом, в который раз уже, прочел:

«Принять в партию с правом совещательного голоса, по молодости, впредь до законченности партийного воспитания».

— Так... — крикнул Ефимов, сдвинул кубанку на затылок, почесал большим пальцем лоб и спросил: — Где ты это партийное воспитание думаешь получать?

— Как это где? — искренне удивился Аркадий. — В отряде у вас.

— Ну, ну... — задумчиво покрутил головой Ефимов и приказал: — Иди получай довольствие и оружие.

— Что? — не поверил Аркадий.

— Глухой?! — рявкнул Ефимов, шея у него покраснела, глаза стали маленькими и острыми, как буравчики. — И куда вас несет, сопляков? С матерью попрощался?

— Я напишу... — растерялся Аркадий.

— Не напишешь — пять суток за конями навоз убирать! — кричал Ефимов. — Десять суток! Мать там небось...

Он повернулся и, ссутулив спину, пошел вдоль вагонов.

...Под стрехами крыши с чивиканьем летали ласточки, солнце светило прямо в глаза Аркадию, он жмурился, строчки письма выходили неровными. Чья-то тень упала на листок письма. Аркадий поднял голову. Перед ним стоял молодой парнишка с вещевым мешком в руках.

— Не узнаешь? — улыбнулся парнишка.

— Нет... — покачал головой Аркадий и тоже улыбнулся.

— На часах я стоял у вагона, когда ты с Ефимовым толковал.

— А!.. — кивнул ему Аркадий.

— Шмаков моя фамилия, — доложил парнишка. — Павлом звать. А тебя как?

— Аркадий.

— Вместе, значит, теперь! — опять улыбнулся Шмаков. — Паек получил?

— Получил, — кивнул Аркадий.

— Я тоже! — поднял мешок Шмаков. — Хлеб есть, вобла есть, махорка есть — можно воевать. Строиться скоро. Идем?

— Сейчас, — заторопился Аркадий. — Только письмо допишу!

— Кому письмо-то? — подмигнул Шмаков.

— Матери.

— Пиши! — стал сразу серьезным Шмаков. — Мешать не буду.

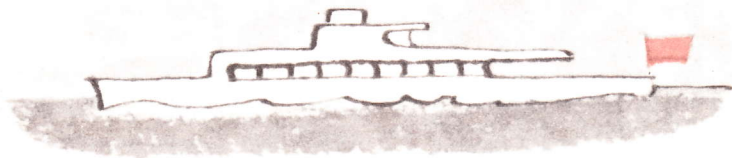
И осторожно ушел.

Аркадий склонился над листочком. Где-то тревожно и призывно гудел паровоз, переключались часовые у пакгаузов. Стуча сапогами по деревянному настилу платформы, пробегали мимо красноармейцы.

«Мама, дорогая моя! — торопливо писал Аркадий. — Прощай, прощай!.. Я хочу сам, своими руками, завоевать счастливую жизнь для тебя, для Наталки, для всех. Голова у меня горячая от радости. Все, что было раньше, — пустяки, а настоящее в жизни только начинается!»

Опять, но уже совсем рядом, загудел паровоз.

Аркадий подхватил винтовку, шинель, мешок и побежал на этот тревожный, настойчивый, манящий зов дальних дорог и странствий.

ЧТО ПОСЕЕШЬ

В. Фролов

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. Харкевича

Глава V

Наутро Петр Батурин обнаружил на своем столике стоящие в ряд все свои «лепнинки», а рядом — две новые коробки с разноцветным пластилином.

«Хм, — сказал он себе, — вот так мама! А может, и верно — попробовать?»

Была суббота, и все еще спали, и он, присев в одних трусиках к столу, стал задумчиво мять в руках брусок зеленоватого пластилина. «Что бы такое вылепить?» — думал он, а руки уже сами начали придавать пластилину какую-то форму, и когда Батурин очнулся от своих дум, он с изумлением увидел, что вылепил нечто совершенно непонятное: странная голова, похожая одновременно и на деда Веретя, и на его пса по имени Лапоть и... и вообще ни на что не похожая.

— Эх! — в сердцах сказал Батурин и шмякнул свою скульптуру о стенку над кроватью. Голова прилепилась к стене, и губы у нее перекошились в ехидной усмешке.

За завтраком Петр спросил у отца:

— Бать, а ты какие детали делаешь?

Батурин-старший приподнял брови.

— Разные, — сказал он. — А что?

— Так, — сказал Батурин. — А какие машины на заводе делают?

— А ты не знаешь? — чуть обиженно спросил Степан Александрович. — Компрессоры делаем, газовые турбины, пневматический инструмент. Наша продукция в восемнадцать стран идет. А что?

— Так, — сказал Петр. — А кто у вас на заводе, кроме токарей и слесарей, есть?

Отец вдруг рассердился.

— Чего ты меня экзаменуешь? Что делаю, да какие станки, да кто есть. Приходи да посмотри.

— А можно? — без всякого выражения спросил Петр.

— Со мной можно, — ответил Степан Александрович.

Родители недоуменно переглянулись, а задумчивый Батурин отправился в школу. Честно говоря, идти ему не хотелось. Сами, наверное, понимаете, почему. Но он стиснул зубы, взял себя в руки и пошел.

А в школе он, как ни в чем не бывало, сам подошел к Наташе и сказал:

— Привет.

— Привет, — тоже как ни в чем не бывало ответила Наташа. — Переплыл реку?

— Ага, — сказал Батурин, — переплыл.

— Ну и молодец, — сказала Наташа и пошла на свое место.

Сердце у Батурина колотилось и в висках стучало, но он держался молодцом. Вы бы по-

завидовали его выдержке. «Кажись, не сердится», — с облегчением подумал он.

На этот их короткий разговор никто в классе не обратил особенного внимания. Кроме, конечно, злобного Кешки Фикуса.

На уроке Батурин сидел, уставившись в окно, и ему вспоминалась река, перевернутая лодка, белый пароход, костер, взметнувший пламя к самому небу, и... да мало ли что ему еще вспоминалось. Из-за этих воспоминаний Осипваныч влепил ему жирную двойку, сказав при этом, как всегда, загадочно:

— Где верхом, где пешком, а где и на карачках.

Тут я впервые упомяну о старосте класса Галке Переваловой. Она была довольно-таки занудная, особенно когда на нее «находило».

И вот, когда Осипваныч влепил Петру двойку, она громогласно заявила:

— Мы не позволим тебе, Батурин, позорить наш класс и тянуть его назад. Понял?

— Чего? Чего? — спросил Батурин.

— То, что слышал, — железным голосом сказала Галка.

Класс загудел. Осипваныч подергал себя за ус, похлопал ладошкой по столу и сказал:

— Э-э... А может, мы с Батуриным сами разберемся?

— Нет, — категорично заявила Галина Перевалова. — Это дело общественное.

— Ну, раз общественное... — немного сердито сказал Осипваныч, — давайте его не на уроке решать. А уж поскольку вы встали, товарищ Перевалова Галина, то заодно пойдите к доске и, пожалуйста, решите вот такой примерчик.

Кое-кто в классе засмеялся, а Перевалова покраснела, пошла к доске и со злости щелкнула примерчик, как орешек. Осипваныч поставил ей красивую пятерочку и погрозил Батурина пальцем.

А на перемене поднялся громкий крик. Кто шипел на Петра (в основном девчонки), кто кричал на Галку (в основном мальчишки), кто просто так орал — для веселья. Докричались, в общем, до того, что собрание необходимо, а то 6-й «б» уже сам на себя не похож. Куда делась его былая слава, и неужели нельзя ее возродить?

Больше в этот день до конца уроков ничего особенного не произошло, если не считать того, что на большой перемене Петр Батурин поговорил с Наташей Орликовой. Он подошел к ней и прямо спросил:

— Ты не сердись?

— За что? — вроде бы даже удивленно спросила Наташа.

— Ну, за... — Батурин почувствовал, что краснеет, — за... вчерашнее...

— А что было вчера? — невинным голосом спросила Наташа.

— Ничего не было! — мрачно сказал он и, засунув руки в карманы, пошел прочь.

— Петя! — крикнула она вдогонку, — ты о чем-то поговорить хотел? Насчет Алены, да?

— Не о чем нам говорить, — буркнул Батурин. — Я думал, что ты... А ты... — он махнул рукой.

— Я тоже думала, что ты... — презрительно сказала Наташа и тоже махнула рукой. — А ты...

И она убежала.

В растрепанных чувствах Петр просидел до конца уроков и, конечно, схлопотал еще одну двойку — на этот раз по географии. И, конечно, староста класса Галина Перевалова опять раскричалась и потребовала собрать собрание немедленно.

И собрание состоялось. И на него пришли: классная руководительница Римма Васильевна, старшая пионервожатая Олимпиада Павловна и Осип Иванович — преподаватель математики и физики.

Тут я просто приведу один документ. А именно протокол, который, как всегда, вела Тася Бублянская.

ПРОТОКОЛ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ 6 «Б» КЛАССА 23 ШКОЛЫ

Присутствовали: 31 чел. + Р. В. + +О. П.+О. И.=34 чел.

Отсутствовали: 2 чел. (бр. Азиатцевы — неуваж., Сима Клепикова — уваж.).

Пред. — Перевалова Г.
Секр. — Бублянская Т.

Повестка дня:

Разная.

Слушали:

Перевалова Г. Батурин тянет класс назад. Он нарушает дисциплину.

Батурин. Не согласен. Как я ее нарушаю?

Галка, т. е. Перевалова Г. Все знают как.

Батурин. А я не знаю.

Перевалова. Тем хуже.

Р. В. Гарбузова. Не надо пререкаться. Дело не в Батурине, а весь класс снизил активность.

Все начали кричать. Не успеваю записывать. Многие кричат, что это потому, что нет Бори.

— Замолчите! Я не успеваю! — это я сказала.

Римма Вас. Галя, продолжай.

Перевалова Г. Батурин получает двойки и грубит всем.

— Неправда, я извинился! — это закричал Батурин.

Перев. Ну да, сперва нагрубит, потом извиняется.

Они опять начали пререкаться. Я это не буду записывать. Ну их!

Осипваныч сказал Батуруну: «Ты мужчина?»

Батурин замолчал. Перевалова не знает, что ей говорить дальше. Надоели мне эти протоколы!

— Ты записывай, записывай, — сказала Олимп. Павл.

А что записывать-то?

Фикус, т. е. К. Прокушев. Так ничего не выйдет. Потому что собрание с бухты-барахты, а собрание надо подготовить. А то никто не знает, о чем говорить: то ли о Батурине... А может, вообще, обо всем классе...

Все закричали: «Правильно, правильно!»

Р. Вас. тоже сказала, что правильно, а Олимп. Павл. кивала головой. А Осипваныч молчал. Все кричат, что надо перенести собрание, пусть Перевалова не задается и не назначает собрание с бухты-барахты, а вначале подготовит, а потом уж назначает.

Перевалова Г. А ну вас! Я хотела как лучше. Можете готовить сами. И еще надо обратить внимание на братьев Азиатцевых — Гошку и Прошку. Они с собрания смылись.

Тут Батурин закричал:

— Правильно! Жалко, я не смылся.

И Чижигов, и Чупров Николай, и К. Фикус тоже закричали, что зря они не смылись. Олимп. Павл. застучала кулаком по столу и сказала, что ребята правы — собрание не подготовлено. А Галя Перевалова неправа, что она обижается, надо обижаться на себя.

— Вы же сами говорили: «обсудить», — это Перевалова Г. сказала.

Олимп. Павл. Не так, не так.

И еще она сказала, что надо решить, что делать дальше. Все закричали: «Перенести! Перенести!»

Перевалова. Кто «за»?

Все «за»!!!

Постановили:

Собрание перенести на следующую неделю. Поручить Переваловой Г., Орликовой Н. и Чупрову Кольке подготовить как следует.

Тут старшая пионервож. сказала:

— Нечего все объяснять тем, что от вас ушел Боря Синицын. А вы-то сами, что — совсем маленькие? Нянька вам нужна? Но если вы не можете сработаться и подружиться с Аленой Братусь, то мы вам дадим другого пионервожатого, а ее передвинем в другой класс.

Орликова. А зачем ее передвигать? Алена хорошая, а мы сами виноваты, что...

Я опять не могу записывать. Все орут. Батурин, Кешка Фикус, В. Седых и Ж. Чижигов стучат кулаками по парте и кричат, что не хотят Алену, а хотят пионервожатым парня. Орликова и некот. др. девочки кричат: «Пусть

будет Алена!» В общем, ничего понять нельзя.

— Наговорил Егор с гору, все не в пору, — это сказал Осипваныч, и все кончили орать.

Верно, какой-то у нас класс дурной стал. Со всем неорганизованный. Г. Перевалова обиделась. Собрание закрыто. Орликова поссорилась с Батуриным.

Председатель:

Секретарь: Т. Бублянская.

Вот какой протокол написала Тася Бублянская. Галка Перевалова прочитала его и сказала, что эту ерундистику она подписывать не будет, потому что это не протокол, а филькина грамота и что Тася, наверное, больше всего думала о Батурине, а не о собрании, потому что через каждые два слова — «Батурин да Батурин», будто, кроме него, никого в классе и нет.

В результате Бублянская поссорилась с Переваловой.

Злой Батурин после собрания направился к деду Веретею. Он решил заняться делом и плюнуть на всякие переживания. Он решил стать гордым одиночкой и делать свое дело. Он решил... Э-э, да много чего он решил.

Недалеко от школы к нему прицепился Кешка Фикус:

— Ты куда, Батура?

— А тебе что?

— Ты правильно насчет этой Алены говорил, — сказал Фикус и хихикнул.

— А ты-то чего беспокоишься? — спросил Петр. — Тебе-то не все равно, кто у нас будет? Что-то ты больно активный стал.

— Вот и не все равно, — обиженно сказал Кешка. — Я, может, тоже за класс болею. Какой у нас класс был! А теперь... Эх!

— Ладно, не стони! — сказал Батурин и прибавил шаг.

Но Фикус не отставал.

— На реку? — спросил он каким-то странным тоном.

Фигус взял Петра за руку и повел. И Бату-рин пошел за ним, как маленький. Фигус при-вел его за школу к плотному забору, за кото-рым третий год шло строительство стадиона. Когда они подходили, Кешка втянул голову в плечи, приложил палец к губам, и походка у него сделалась, как у индейца на боевой тро-пе. Батурин тоже почему-то пригнулся и по-шел на цыпочках. Фигус уперся лбом в забор и уставился одним глазом в щелку. Потом он поманил Петра.

— Куда торопишься? — спросил он довольно грубо.

— К учительнице по музыке, — опять вежливо говорит Витя. — Ты извини, я опаздываю.

— Подождешь, — говорит Батурин. — Я тебе кое-что сказать должен.

— Ну, говори, только побыстрее, пожалуйста.

— А ты знаешь, что мне от тебя житья нет?!

— От меня? — очень удивился Витя.

— Ага! — сказал Батурин и дал ему легкого тычка.

— Ты что? — обиженно спросил Витя и покрутил пальцем около виска. — Того... немножко?

Вот этого ему, наверное, не следовало говорить, потому что Батурина в его состоянии было одной капли довольно, чтобы он лопнул.

— Я тебе покажу... того! — заорал он и двинул Витю посильнее.

Тихий Витя неожиданно рассердился и, треснув Батурина по голове нотной папкой, тоже закричал:

— Дурак! Тебе просто завидно, что я учусь хорошо.

Побойсь это я описывать не буду, так как в нем ничего благородного не было. Была довольно некрасивая драка, в результате которой у Витеньки здорово вспух нос и оказался порванным галстук, а Петьке ничего не было, так как он был сильнее.

Но кончилась эта баталия для Батурина все же более плачевно, чем для Вити. Вите только пришлось с распухшим носом вернуться домой, не дойдя до учительницы музыки, а мужественный Петр Батурин попал в штаб народной дружины, где с ним провели крупную воспитательную беседу. Вернее, начали проводить. А он мрачно молчал и думал о том, что надо как можно скорее построить моторную лодку и уехать на ней, если не в Антарктиду или в кругосветное плавание, то по крайней мере вниз по реке до впадения в другую реку, потом вниз по этой реке до моря.

И в это время в штаб дружины вошла... кто бы вы думали? — Алена Братусь!

Да, да, собственной персоной.

Оказывается, она видела, как Петра вели дружинники.

— Что случилось? — спросила она дежурного.

— А вы кто? — вежливо спросил дежурный.

— Я... А... что он сделал? — робко спросила она.

— Он дрался и очень крепко побил одного парнишку, — сказал один из дружинников.

— Он, видите ли, герой. Лупит, а потом прячется в кусты, — сказал другой дружинник.

— Я не прячусь, — хрипло сказал Батурин.

— Кого ты побил, Петя? — спросила Алена тихо.

— Витьку Пискарева, — сквозь зубы прошипел Батурин.

— А за что?

Батурин трагически молчал. В самом деле — за что?

— Ну хорошо, — сказала Алена. — Ты мне потом расскажешь, ладно?

Батурин молчал.

— Он мне потом расскажет, — доверительно сообщила Алена дружинникам.

— А нам это неважно, — строго сказал дежурный, — нам важен сам факт. А факт был. От него не уйдешь. Был факт избиения? — обратился он к Петру.

Батурин нехотя кивнул. Тут Алена вдруг кинулась в атаку.

— Сам факт еще ничего не значит, — твердо сказала она. — Может, у него были уважительные причины. Может, он защищался.

— Ты защищался? — иронически спросил дежурный.

Батурин отрицательно замотал головой.

— Вот видите, — сказал дежурный. — Значит, так: сообщим родителям и в школу. Пошлем туда протокол.

— Давайте мне этот протокол, — звонким голосом сказала Алена. — Это мой мальчик.

— Это в каком же смысле «ваш»? — ехидно улыбаясь, спросил один из дружинников.

Алена Братусь покраснела и сердито сказала:

— Я пионервожатая, а он из моего отряда, я разберусь.

— Ну, тогда извините, — смущенно сказал дежурный и протянул ей протокол, а один из дружинников даже отдал честь.

Петр хотел что-то сказать, но Алена дернула его за рукав и прямо-таки выдернула из штаба на улицу.

— Уф-ф! — сказала она и сунула в руку пораженному до обалдения Батурину злосчастный протокол. — На память. Поговорим потом.

И она убежала. А Петр остался стоять с раскрытым ртом.

Он отказался от ужина, полночи проворочался на своем диване и заснул только под утро. А утром, получив нагоняй от матери и еле-еле зачихнув в себя завтрак, понесся в школу, чтобы успеть перехватить Фикуса. Но Фикус почему-то вовсе не пришел в школу, и Батурин на некоторое время вздохнул с облегчением. Но на Наташу он смотреть не мог и старался удрать от нее подальше.

Витя Пискарев тоже не пришел в школу. Зато в школу явилась его мама Софья Аристарховна. Из учительской долго раздавался ее грозный голос, а когда она ушла, оттуда вышла красная и встрепанная завуч, а за ней — взъерошенный Осипваныч, который, ни к кому не обращаясь, довольно грозно спросил:

— Кто вчера побил Витю Пискарева?

Народ безмолвствовал, а Петр Батурин, стоявший в сторонке, ужасно удивился: значит, чудо-мальчик ничего не сказал! И от этой мысли ему стало совсем тошно. Шатаясь, он вышел на улицу и пошел с последнего урока куда глаза глядят, к деду Веретей на реку.

Мудрый дед Веретей посмотрел из-под лохматых бровей на унылого и согбенного Петра Батурина, похлопал его по плечу и усадил есть простоквашу.

Съев две пол-литровые банки густой кисломолочной простокваши и огромный кусок хлеба, Петр Батурин вышел отдохнуть. Он уселся под сосной, прислонясь к ее стволу, от которого пахло романтикой туристских походов, дальних странствий и просмоленной палубой бригаантины.

Петр мучился. Ах, как невероятно страдал П. Батурин. Он, который гордился своей прямоотой и справедливостью; он, такой мужественный и принципиальный; он... такой... И вдруг у него, вот такого, вся жизнь пошла наперекосяк, и он натворил черт знает что. Ну прямо ни в какие ворота не лезет.

«Эх, — с горечью думал он, — нет Бори. Не с кем посоветоваться. Был бы Боря, он бы подсказал, что делать и как быть».

А пока... пока надо начать новую жизнь. И для этого в первую очередь нужно заняться каким-нибудь серьезным делом, чтобы не оставалось времени на всякую ерунду.

Неподалеку от избы деда Веретей, чуть вверх по реке виден был песчаный остров. И казалось бы, ну что может вырасти на том песке, однако остров весь зарос высоким тальником и стреловидной, жесткой, как ножи, осокой. От низкого левого берега остров отделила неширокая протока; желтоватая, но прозрачная вода струилась и журчала на перекатах.

Солнце, довольно скупое и редкое здесь в это время года, все же пригревало, просвечивая сквозь кроны кедров и сосен.

Пригрело солнце и нашего Петра.

Он не заметил, как подошел дед Веретей.

— Там, — сказал дед, ткнув заскорузлым пальцем куда-то себе за плечо, — островок там. Сходи-ка.

— А что там на острове? — спросил Петр.

— Погляди, — буркнул дед и пошел к своему дому.

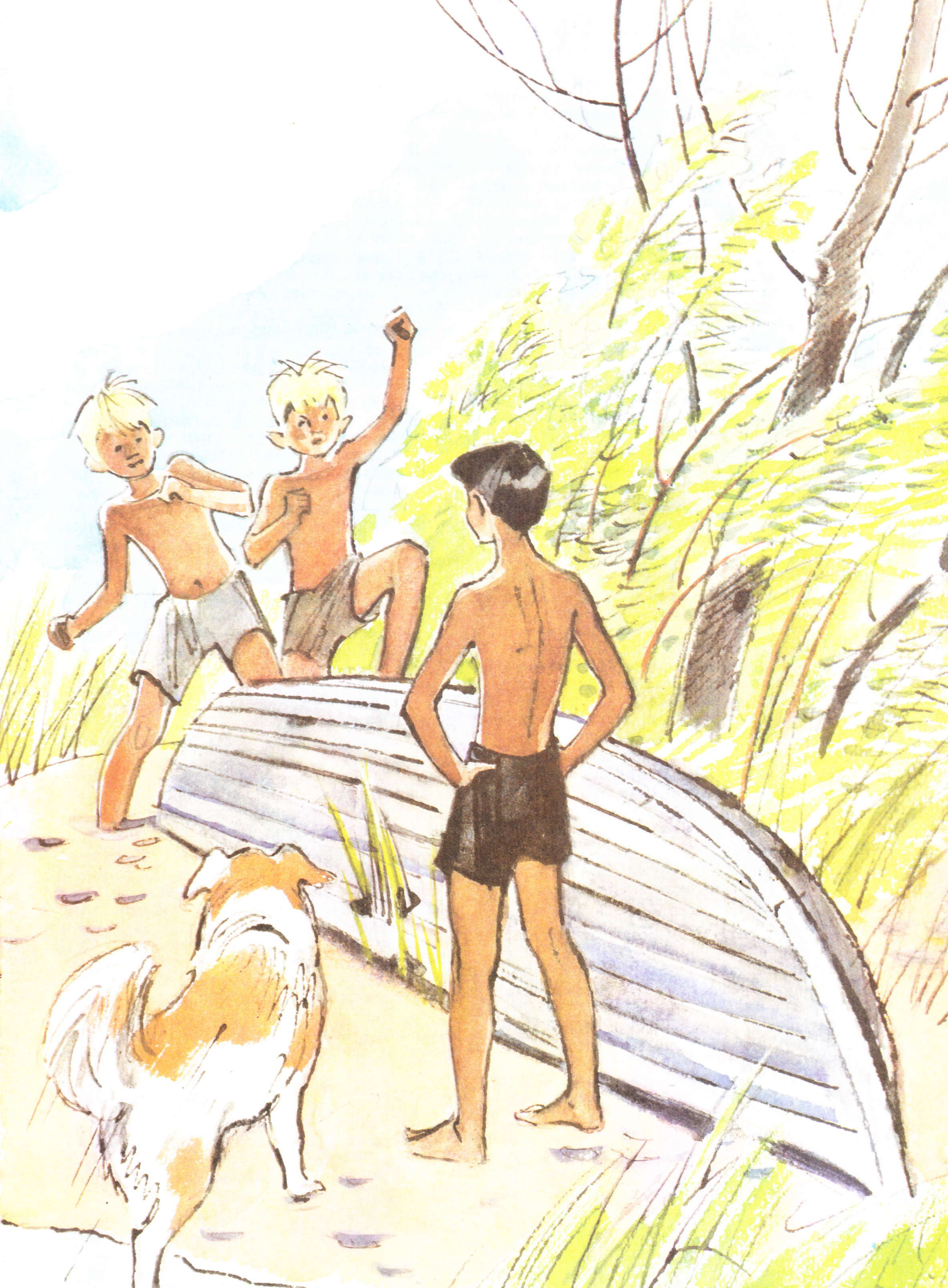
«Ну дед! — с уважением подумал Батурин. — Железный дед. Волшебный какой-то. Откуда он знает, что я про тот остров думал?»

Батурин встал, отряхнул со штанов приставшие к ним сосновые иголки и направился вверх по реке. Лапоть лениво поднялся, потянулся с хрустом, зевнул во всю свою огромную пасть и не спеша пошел за Петром.

Оставив штаны и рубашку на берегу, Батурин переплыл протоку. Пес плыл с ним рядом. На острове Лапоть отряхнулся и деловито направился прямо к кустам.

— Ты куда? — окликнул его Петр.

Лапоть остановился и, повернув голову, посмотрел на Батурина. Затем он сделал опять

несколько шагов и снова посмотрел. «Зовет, что ли?» — подумал Петр и решительно полез в кусты.

Они долго продирались сквозь чащобу; Петр весь исцарапался и изрезал ноги жесткой осокой. Он кричал и ругался, но Лапоть не обращал на его стоны и жалобы никакого внимания и шел напролом по ему одному известному направлению. Когда Батурич уже совсем решил было плюнуть на этого проклятого пса и вернуться обратно, Лапоть вдруг остановился. И тут Петр услышал знакомые сердитые голоса:

— Ну и чо? Ну и не чо!

— Дак я...

Батурич раздвинул густые и гибкие ветки тальника и на песчаной прогалине прежде всего увидел здоровенную лодку. Она лежала кверху позеленевшим от времени днищем, на бортах ее зияли дыры и сквозь них тянула свои стрелы осока. Лодка была стара, как «Летучий голландец», но даже в своей бесполезной старости она выглядела внушительно и красиво. Около лодки прыгали голые Гошка и Прошка и орали друг на друга осипшими голосами:

— А ты чо?

— А ни чо!

— Солены уши!

— Сам!..

Лапоть с треском продрался сквозь кусты и с лаем бросился к братцам Азиатцевым. Те кинулись в разные стороны. Но Прошка сразу же остановился и закричал:

— Ну! Так то же Лапоть!

— Ну! — сказал Гошка, тоже остановившись.

— Ты чего здесь? — спросил Прошка.

Лапоть гавкнул и побежал к кустам, за которыми стоял Батурич. Петр вышел с независимым видом.

— Батура?! — в один голос удивились братцы.

— Ну, — сказал Петр, — чего вы тут орете?

Братцы молчали. Появление Петра им явно не нравилось.

— Что за лодка? — помолчав тоже, спросил Батурич.

Гошка сплюнул и стал натягивать штаны. Прошка смотрел в сторону и высверливал голый пяток ямку в песке.

— Барахло лодка, — сказал Батурич.

— Сам ты барахло, — мрачно буркнул Прошка.

— А ну, уваливай отсюда! — заорал Гошка, прыгая на одной ноге, стараясь другой попасть в штанину.

Гошка и Прошка принялись орать вместе, что, дескать, ишь какой выискался и кто ты такой, чего тебя на наш остров принесло...

— Гляди-ка, уж и остров их, — насмешли-

во сказал Батурич. — Помещики какие, феодалы.

«Феодалы» с жуткими воплями бросились на Батурина, свалили его с ног и сели на него верхом. Лапоть прыгал вокруг, лаял и рычал.

— Уйдешь? — спросил Прошка.

— Не-а, — спокойно сказал Батурич, выплевывая песок. — У меня идея есть.

— Какая еще идея? — недоверчиво спросил Гошка.

— А вы слезьте, тогда скажу, — ответил Батурич.

— Скажи, тогда слезем, — сказали братцы хором.

— Во чудаки, — сказал Батурич. — Как же я говорить буду, если у меня песок во рту и ды-ды-дышать нечем.

— Ладно, — вдруг совсем спокойно сказал Прошка, — Батуре верить можно.

— Можно, — сказал Гошка.

И они слезли с Петра. Лапоть сразу замолчал и улегся.

Петр встал, с достоинством отряхнулся, подошел к протоке и прополоскал рот. Потом он несколько раз обошел лодку вокруг, постучал ее по бортам голый пяток, потыкал кое-где пальцем и присел на днище.

— Чья лодка-то? — равнодушно спросил он.

— А тебе что за дело? — опять угрожающе спросил Гошка, а Прошка шагнул поближе к Петру.

— Да мне-то все равно, — сказал Петр, глядя в вечеряющие небеса. — Я думал, если ваша... — и он замолчал.

— Ну, а если наша, тогда что? — спросил Гошка.

— Я движок бы смог достать, — лениво сказал Батурич. — Но раз не ваша...

— Наша! — закричали в один голос братцы. — Наша!

Через полчаса все они топали вниз по реке, к дому деда Веретя. Уже на самом подходе Батурич скромно сказал:

— А у меня тут кое-какая мастерская есть.

Гошка и Прошка встали как вкопанные.

— Где? — спросили Гошка и Прошка.

Батурич небрежно ткнул пальцем в дедкину сараюшку. Гошка и Прошка повалились на землю и начали кататься, визжа и захлебываясь от хохота. Петр удивился, чего это их корчит.

— Ну, здоров ты врать! — сказал Прошка.

— Там нашего деда мастерская, и наша, — сказал Гошка. — А он врать! Ну, Батура!

— Как вашего деда? — ужасно удивился Батурич.

— А вот так! — закричали очень довольные Гошка и Прошка.

— Как его фамилия, знаешь? — спросил Гошка.

— Азиатцев! — сказал Прошка.

— А мы? — спросил Гошка.

— Азиатцевы! — гордо сказал Прошка.

— Он наш дед, — сказал Гошка.

— Батин батя, — сказал Прошка.

— Ну и ну! — сказал Батури́н и почесал затылок.

Братцы Азиатцевы отошли в сторонку и, наклонив друг к другу одинаковые патлатые головы, повеселились. И Гошка спросил:

— Ты верно движок достанешь?

— Хм... «достанешь», — сказал Батури́н, думая при этом, какой это леший дернул его за язык и где он достанет этот проклятый движок. Но отступать было некуда.

— Ну, раз так... — сказали Гошка и Прошка и протянули Батури́ну свои мозолистые руки.

Они заключили тройственный союз и договорились, чтобы больше ни одна живая душа ничего не знала об их планах. Затем они осмотрели Петькино хозяйство в сарае и кое-что нужное отложили в сторонку. Дед Веретей стоял в дверях и довольно ухмылялся.

«Хитрющий дед, — подумал Петр, — ишь, как повернул».

На душе у Батури́на немного полегчало, и домой он шел, насвистывая. Братцы Азиатцевы остались ночевать у деда.

А дома Петра ждал сюрприз.

— Ты давеча про завод так просто? Или... — спросил его за ужином отец.

— А что? — спросил Петр.

— Ну-у, — почему-то немного смущаясь, сказал Батури́н-старший, — если тебе всерьез интересно, приходи завтра после школы к проходной. Я тебя встречу.

— Чего он там на заводе не видел? — вдруг сердито спросила Мария Ивановна. — Ему учиться надо. Вон Витя Пискарев...

— Мам, — мрачно сказал Петр, — ты мне лучше про этого Витю не говори. А то ему еще попадет.

— А ты что? А ты что? — зачастила Мария Ивановна. — От кого это ему уже попало? Не от тебя ли? Ах! — она всплеснула руками. — И верно, Софья Аристарховна жаловалась: Витю кто-то побил. Ты, что ли?

«Час от часу не легче, — подумал Петр, увертываясь от нависшего над ним подзатыльника. — Опять меня леший за язык тянет».

— Мам, — взмолился Петр, уходя от прямого ответа, — ну, что ты меня все шпыняешь и шпыняешь. Так я совсем озвереть могу.

Тут в разговор вступил Батури́н-папа.

— И верно, Маша, — сказал он успокаивающе, — сама говорила, что лупить ребенка не надо.

— Ах, не надо? — в сердцах сказала Мария

Ивановна, но руку все же опустила. — Не надо?! А что же я с ним поделаться могу, если он... А ты не помогаешь. Только и знаешь свой футбол да рыбалку...

Степан Александрович насупился, и Мария Ивановна поспешила добавить, что ну да, да, конечно, кроме рыбалки да футбола, еще есть завод.

— Ну, тебе, понятно, завод, что дом родной, — сказала она. — А ему-то зачем твой завод? Неужто, как ты, всю жизнь ишачить?

И вдруг! Вдруг спокойный и выдержанный Степан Александрович хватил кулаком по столу со всей силы. С чайника свалилась крышка, блюдечко с вареньем шлепнулось на пол и разбилось, зазвенели, подпрыгнули чашки. Подпрыгнул и Петр.

— Какие слова говоришь, Мария! — крикнул Батури́н-старший. — Я не батрак, чтобы... ишачить! Я рабочий! Понимаешь? Рабочий!

Мария Ивановна села на стул.

— Ты извини, Маша, — сразу остыв, сказал Степан Александрович. — Но ведь обидно же.

— Да я что, — виновато сказала Мария Ивановна. — Да я разве что? Я ведь ему добра желаю.

— Пусть сам выбирает, — сказал Степан Александрович миролюбиво. — Не маленький.

— Я думала, уж если ученым не будет, так может этим... скульптором станет, — сказала Мария Ивановна с горечью.

— Н-ну, — добродушно сказал отец. — На это особый талант нужен.

Петр молчал. И разные мысли — веселые и грустные, умные и так себе, не очень — скакали в его голове.

— Так придешь к проходной? — спросил Степан Александрович.

— Ага, — сказал Петр и покосился на мать. Она махнула рукой.

— Только чего он там не видел? Станки, что ли?

— Людей, — сказал Степан Александрович твердо, — которые работают, а не ишачат... И между прочим, станки тоже.

— Пусть идет, — сдалась Мария Ивановна. — Только смотри, если опять двойки будешь получать, я тебе пропишу! И тебе тоже, — она ткнула пальцем в грудь Батури́на-старшего и, непримиренная, ушла на кухню.

Батури́н-старший подмигнул Батури́ну-младшему.

— Строгая у нас мать, — сказал он.

— Ага, — сказал Петр. — Бать, а ты не знаешь, где можно движок достать?

— Какой движок?

— Для лодки. Мотор какой-никакой.

Степан Александрович подумал.

— Н-нет, не знаю, — сказал он. — А зачем тебе? Секрет?

— Ага, — сказал Петр.

На следующее утро Батурин перехватил Кешку Фикуса неподалеку от школы.

— Ты вот что, — сказал Батурин Кешке. — Ты значит... того...

— Ага, — сказал Фикус. — ...этого. Понял.

— Ну, раз, понял, значит... смотри...

— Да брось ты, — дружелюбно сказал Кешка и засмеялся. — Что я, маленький?! — и, посвистывая, побежал в школу.

В коридоре у окна стоял Витенька Пискарев и разглядывал в стекле свое отражение.

«Ох, — сказал про себя Батурин. — И с этим еще отношения выяснять». Ноги понесли его мимо Вити, но Петр мужественно пересилил себя.

— Здорово! — очень бодро сказал он.

Витя повернул к Батурину свой все еще распухший нос и сморщился, словно разжевал клюкву.

— Даже и здороваться с тобой не желаю, — сказал он. Батурин сокрушенно махнул рукой и пошел в класс. Выяснить отношения ему уже не хотелось.

А когда в классе он увидел Наташу Орликову, сердце у него стало съеживаться и съеживалось до тех пор, пока не превратилось в горошину и не покатилося куда-то вниз.

В перемену к П. Батурину, уныло стоявшему у окна в коридоре, подошел Осипваныч и протянул ему конверт:

— Это вам.

— Мне? — удивился Петр. — От кого? Откуда?

— Стоит ли задавать столько ненужных вопросов? — спросил Осипваныч. И ушел.

Батурин зажмурился и с треском распечатал конверт. В нем был листок, на котором печатными буквами было написано:

«Батурину П. Лично. Секретно. Аллур +++». И больше ничего там не было. Листок был чист и бел, как сметана.

«Шуточки, — обескураженно подумал Батурин, — дурацкие шуточки. Но при чем здесь Осипваныч?»

Конечно, на уроке Петру было не до урока. И когда Римма Васильевна вызвала его, он хмуро сказал:

— Я не учил.

— Ах, Батурин, Батурин, — грустно сказала Римма Васильевна.

Все уселись поудобнее, ожидая очередного выступления Батурина по поводу бесполезности и ненужности художест-

венной литературы, а Галка Перевалова уже злоеце зашипела, но Петр вдруг потупил голову и тихо сказал:

— Не сердитесь, Римма Васильевна, я к следующему разу обязательно выучу.

— Ох! — сказала Тася Бублянская.

— Правда, Петя? — обрадованно спросила Римма Васильевна.

Петр молча кивнул.

— Что это с ним? — озабоченно спросил Жорка Чижииков.

На перемене к Петру подошла Наташа.

— Мне надо с тобой серьезно поговорить, — сказала она немного смущенно.

— О чем? — сурово спросил Батурин, а сердце... Впрочем, что сердце? Сами знаете, как бывает.

— О многом, — сказала Наташа.

Батурин вертел полученное им письмо перед самым носом Наташи, надеясь, что она обратит на него внимание, но она смотрела в сторону.

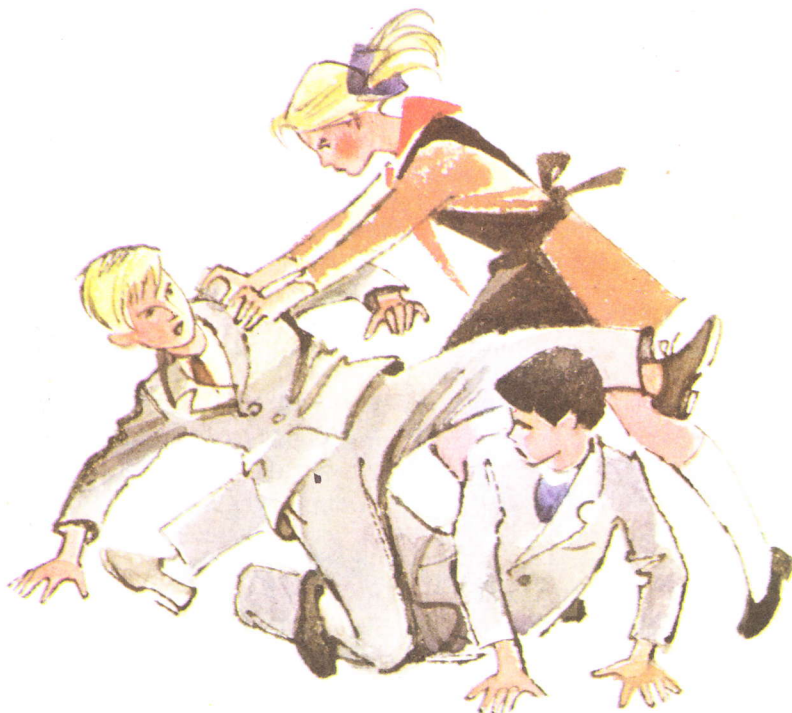
— Ну, давай, говори, — вздохнув, сказал Батурин.

— Не сейчас, — сказала Наташа. — Приходи часов в шесть... — она слегка запнулась, — на реку... к лодке.

— Куда-а-а? — заорал Батурин. — Куда-а-а? — спросил он потише, но Наташа уже убежала.

П. Батурин сделал невероятное сальто, потом прошелся колесом и математику на уроке ответил на «отлично».

Тася Бублянская гордо посматривала на

всех, будто это она получила пятерку, а Г. Первалова строго сказала:

— Ведь может же. Надо только на него побольше влиять.

— Валийте, влияйте, — добродушно согласился Батурин. И только сейчас заметил, что Гошки и Прошки опять нет в школе. «Ишь, гаврики, — подумал он. — Так не пойдет».

На большой перемене Петр разыскал Осипваныча и показал ему письмо. Осипваныч тоже долго его вертел, рассматривал, а потом высказал предположение, что, может быть, тут что-то и написано, только написано особыми чернилами — сим-па-ти-ческими. И надо знать, как их проявить.

— А от кого оно... письмо это? — осторожно спросил Батурин.

— Хм, — сказал Осипваныч, — если бы я знал. Попробуй прояви — может, все и узнаешь.

— А как? — спросил Батурин.

— Ну, например... — начал Осипваныч, но договорить не успел, его позвали к директору.

Петр побежал за ним и у самой директорской двери вдруг выпалил:

— Осипваныч, это я Витьку Пискарева отлупил.

Осипваныч остановился и внимательно с ног до головы оглядел Батурина, который стоял с одурелым видом, не понимая, что это с ним происходит.

— За дело? — спросил математик.

— Нет, — твердо сказал Батурин.

— Ты какой-то... хм... неожиданный... — сердито сказал Осипваныч, но усы у него от улыбки поднялись, как у кота. И затем он скрылся за директорской дверью.

П. Батурин почесал затылок. «Дела-а! — подумал он. — Почему неожиданный? И что за чернила такие — «сим-патичные»? Витька, наверно, знает, но как его спросишь?» И неожиданно Петр окликнул проходящего мимо Кешку.

— Фигус, случайно не знаешь, что такое «симпатичные чернила»?

У Фигуса заблестели глазки, а нос зашевелился, как у ищейки.

— «Симпатические», а не «симпатичные», — сказал он. — А на что тебе?

— Да так, в книге вычитал.

— А-а, — сказал Фигус недоверчиво.

Тут надо объяснить одну вещь. Дело в том, что Кешке Прокушеву, по прозвищу Фигус, не давали покоя лавры знаменитых сыщиков — мистера Шерлока Холмса, мсье Мегрэ и майора Пронина. Вовсе он не хотел стать ни ботаником, ни дипломатом — это он говорил для маскировки. Он спал и видел себя хитрым, решительным, опытным, смелым и сильным детективом, умеющим убивать из пистолета муху на лету, в совершенстве владеющим приемами бокса, самбо, дзю-до и ка-

ратэ и безошибочно раскрывающим самые запутанные преступления. И, конечно, он не оставил без внимания то, что Батурин на уроке с озадаченным видом нюхал, кусал и лизал какой-то подозрительный листок бумаги. И, конечно, ему до за-резу надо было узнать, в чем тут дело. И, конечно, когда Батурин спросил его про «симпатичные» чернила, он сразу смекнул, что это неспроста.

— А-а-а — повторил Иннокентий, — ну, если в книге, так там должно быть сказано, что за чернила.

«Ишь ты, хитрый какой!» — подумал Петр.

— И верно, — сказал он безразлично, — я до конца не дочитал.

И он пошел своей дорогой. Фигус раздосадованно хмыкнул.

— Но вообще-то, — сказал он в мужественную спину Петра, — я могу тебе помочь.

Петр остановился.

— Слушай, — зашептал Фигус, — ты ведь знаешь, я умею хранить чужие тайны. Я же никому не рассказывал, что ты с Орликовой...

— А в глаз-з-з-з? — яростно прошипел Батурин.

Фигус приосанился.

— А самбо? — возразил он.

— А по ушам? — спросил Батурин.

— А дзю-до? — опять возразил Фигус. — И потом, за что? Я же никому не сказал, что ты...

И в следующую секунду Батурин, как тигр, ринулся на Иннокентия, но, получив изумительную молниеносную подсечку, оказался на полу.

Разинув рты и окаменев от изумления, на это дело взирали В. Пискарев, В. Седых, Т. Бублянская. Извиваясь, Батурин пытался скинуть с себя «знаменитого сыщика», но это ему не удавалось.

— Ну, Фигус! Ну, Кешка! — пробормотал Вася Седых.

— Ага! — сказал Витенька Пискарев. — Ага!

— Да снимите вы его с него! — взмолилась Тася Бублянская. Ей совершенно невыносимо было смотреть на поверженного Петра Батурина.

Витюня с удовольствием погладил свой нос.

— Это честный бой, — сказал Васька Седых, осклабившись.

— Какой же честный, — возмутилась Тася, — когда он ему подножку дал.

— Много ты понимаешь, женщина, — надменно сказал Иннокентий, сидя верхом на мужественном Петре Батурине, — это прием японской...

Кончить фразу он не смог. Как вихрь, как ястреб, как кошка, налетела на него невеста откуда взявшаяся Наталья Орликова. Она мертвой хваткой вцепилась в Фикуса и сбросила его с П. Батурина. Глаза ее сверкали.

Вот эту-то величественную сцену и увидела вышедшая из своего кабинета завуч.

Между прочим, дорогие читатели, вы заметили, что завуч, или директор, или на худой конец, классный руководитель появляются всегда вовремя — когда их вовсе и не хотелось бы видеть. Я, например, знал одного классного руководителя, которого милые детишки именно за это свойство — появляться неожиданно в самые неподходящие моменты — прозвали Невидим Григорьевич, хотя его звали Вадим Григорьевич.

— Орликова и Прокушев ко мне. Остальным разойтись! — ледяным тоном сказала завуч.

Кешка Фикус встал, отряхнулся и как ни в чем не бывало отправился в кабинет. За ним, гордо задрав подбородок, проследовала Орликова. А сзади уныло поплелся П. Батурин.

— Не ходи, Батура, — остановил его Васька Седых, — тебя ж не звали.

— А-а! — сказал Петр. — Один черт! — и, махнув рукой, он пошел в кабинет завуча. Дверь за ними закрылась.

— Ну и дурак! — в сердцах сказал Васька.

— Он поступил благородно, — торжественно сказала Тася Бублянская и куда-то умчалась, а через минуту примчалась обратно уже вместе с Аленой.

Алена глубоко, как будто собиралась нырнуть в воду, вздохнула, решительно постучала в дверь кабинета. И, не дождавшись ответа, вошла.

История эта имела довольно странные последствия. То есть последствий никаких не было — это-то и было странно. На расспросы славного 6-го «б» участники событий загадочно молчали. Батурин и Фикус разговаривали между собой как ни в чем не бывало, а Наташа ходила, задрав нос.

На уроке Петр Батурин получил от Наташи записку. «Ты не очень-то воображай, что я за тебя заступилась. Я на тебя еще сержусь за то, что ты вначале хотел помочь Алене, а на

собрании струсил. Так нечестно. А Алена молодец. Правда?»

Вторую записку он получил от Фикуса: «Симпатические чернила иногда проявляются, если подержать бумагу над огнем. С приветом Инн. Прокус».

Третья записка гласила: «Ты поступил благородно. Я тебя уважаю. Т. Б.»

Бедняга Батурин уже совершенно не мог понять, что с ним происходит. Какая-то ужасная судьба! «То вознесет его высоко, то бросит в бездну без следа», как поется в одной старинной песне. И люди вокруг какие-то странные: то они к тебе хорошо относятся, то... даже говорить не хочется.

Он вспомнил, что договорился с отцом встретиться после уроков у проходной завода, и облегченно вздохнул, когда прозвенел последний звонок. Однако не успела выйти из класса учительница географии, как явился долговязый очкарик из 10-го «а». Тот самый Гришка Голубенцев... да вы, наверно, помните его... тот самый, который...

Коварный Фикус, потирая руки, посмотрел на П. Батурина, а тот показал ему кулак. Фикус улыбнулся и сделал загадочное лицо.

— Девочки свободны, — вежливо сказал Гриша, — а пацаны останьтесь.

— Какие мы тебе пацаны? — завопил Жорка Чижиков.

— Ну, не пацаны, — дружелюбно согласился Гриша, — парни.

— Тебя что — вместо Алены прислали? — спросил Петр.

Голубенцев вначале вроде бы удивился, потом сделал безразличное лицо и осторожно спросил:

— Ну, а если и так?

— Не хотим! — дружно завопил непромокаемый гвардейский 6-й «б». — Долой!

Вот и пойми этот 6-й «б»! То они Алену не хотели, а теперь, смотри-ка, взберепенились. Голубенцев спокойноенько протирал очки.

— Проорались? — спросил он, когда крик пошел на убыль. — Ну и успокойтесь. Никто меня к вам не присылал. Просто у меня к вам одно дело есть.

— Говори, — сказал Васька Седых.

— Девочки могут идти, — опять сказал Гриша.

Дорогой читатель, давай переждем гвалт и визг: совершенно ничего невозможно понять. А когда, наконец, разобиженные девицы, ворча и презрительно поджимая губки, удалятся, мы последуем за Гришей Голубенцевым и парнями из 6-го «б» на строящийся стадион.

Именно туда он их и повел. Попасть на стадион можно было через дырку в заборе.

— А ну-ка, — сказал Гриша, когда все полезли через дыру и сгруппировались вокруг него. — А ну-ка, кто выйдет против меня? Кто не побоятся?

— Ты нас зачем сюда позвал? — мрачно спросил Седых.

— Очень просто, — сказал Гриша, — показать, что вы скелеты.

— А почему? — спросил Витя.

— Иди сюда, — сказал ему Голубенцев, — стань здесь. Теперь подними правую руку — так, а левую — так.

— Зачем? — спросил Витя.

— Молчи! — с железной нотой в голосе сказал Гриша. — Молчи и сопротивляйся.

— А я не хочу, — сказал Витя гордо.

— Кто хочет сопротивляться? — спросил Гриша.

— Я! — сказал Батурин.

Тут Гриша очень ловко подошел к Петру Батурину и, сделав какое-то мимолетное движение, уложил его на обе лопатки.

— С тобой неинтересно, — сказал Гриша. — Кто следующий?

— Ну, — сказал Седых и пошел на Гришу.

И, уже лежа, он обиженно протянул:

— Да-а, ты прие-е-емы знаешь...

— Ты чего?! — заорал Батурин на Гришу. — А если мы все на тебя навалимся?

— Эх! — сказал Гриша, — беру всех на себя.

Но тут на Голубенцева пошел Иннокентий Прокус-Фикус. Он шел, согнув ноги в коленях и выставив вперед руки. Голову он вжал в плечи, прищурил глаза. Все замерли. Но через пару секунд великий сыщик распластался на земле.

— Итак, дети мои, — спокойно сказал Гриша. — Дело в том, что свою энергию вы расходуете как попало. Есть одна идея. Приходите сюда завтра, я вам кое-что покажу. А сейчас — привет.

И он пролез сквозь дыру в заборе.

— Дурак какой-то, — сказал Витя.

— И чего ему от нас-то надо? — процедил сквозь зубы Седых.

— Может, это у него комсомольское поручение? — предположил Жорка Чижииков.

Батурин хлопнул себя ладошкой по лбу.

— Вот черт! Забыл! — закричал он, молниеносно проскочил сквозь дыру в заборе и помчался со всех ног к проходной батиного завода. По дороге он пролетел мимо Т. Бублянской, Г. Переваловой, Н. Орликовой и еще каких-то девчонков, которые верстовыми стол-

биками торчали на пути его следования. Он только слышал, пролетая мимо них:

— Пе...

— ...тя...

— ...ку...

— ...да?..

Глава VIII

— Втулки, втулки и только втулки, — сказал какой-то толстый и небритый дядька Батурину-старшему.

— Я понимаю, — сказал Батурин-старший, — тебе план — хоть лопни. А какого лешего я свой станок буду загружать этими втулками? Обидно...

— Тебе еще больше обидно будет, если цех прогрессивки не получит.

— Последний раз! — в сердцах сказал Степан Александрович и яростно нажал кнопку.

Станок урчал, снимая тонкую, синюю, завивающуюся спиралью стружку, поливал деталь мутно-молочной водичкой, чтобы не перегрелись резцы, отодвигал в сторону стружку, чтобы она, не дай бог, не поранила токаря, вел резец с положенной скоростью, чтобы деталь вышла блестящей, гладкой и никакой контроль не мог придрататься к токарю — С. А. Батурину, который на нем работал вот уже пять с лишним лет.

По одной линии с этим станком, твердо упираясь в бетонный фундамент, окруженный кафельным в клеточку полом, стояли другие светло-серые гладкие станочки. А за ними пожилые, средних лет и даже совсем молодые рабочие.

Петр Батурин смотрел, как из-под резца выходит гладкая сверкающая короткая втулка, как все еще сердитый отец снимает готовую деталь, оглаживает ее пальцами и ставит на столик рядом со станком. Из железного ящика брал корявую черную заготовку, закреплял ее в патроне, снова пускал станок, и тот опять начинал петь свою рабочую песню, и снова вилясь-завивалась сине-зеленая стружка, и снова все повторялось сначала. И быстро рос на столике блестящий строй этих самых втулок.

«Ну и ничего сложного, — думал Петр. — Денек постоял бы, а потом и сам бы смог. Простая работенка. Скучновато в общем...»

— Пап, а ты почему не меряешь? — спросил он, заметив, что многие токари, снимая деталь, тщательно измеряют ее какими-то скобками или другим инструментом и только тогда ставят ее либо на столик, либо опять закрепляют в патроне, а иногда с досадой бросают в металлическую корзину.

Батурин-старший усмехнулся.

— А я на глазок. У меня глаз-алмаз.

Петр недоверчиво хмыкнул.

— Нет, конечно, не на глазок, — сказал уже серьезно Батурин-старший. — Просто я станок знаю. Точный у меня станочек, — и он похлопал ладонью по теплой станине, как хлопают по шее хороших лошадок. — Вот смотри, — он показал на какие-то рукоятки и выключатели. — Вот здесь я устанавливаю все нужные размеры, допуски, скорости вращения и подачи, а станочек все делает сам. И я ему верю. Понял?

— Понял, — сказал Петр. — А ты-то сам что делаешь?

— Как что делаю? — удивился отец. — Работую.

— Ставишь да снимаешь?

Батурин-старший крикнул.

— Ишь ты, — сказал он. — Много ты понимаешь! Семеныч! — окликнул он проходившего мимо толстого и небритого дядьку. — Семеныч, объясни-ка ты моему парню, что это за втулки. А то он считает, что я даром хлеб ем.

Семеныч вскользь посмотрел на Петра, вынул из кармана комбинезона сложенный четверо чертёж и дал его токарю.

— На завтра тебе — вот.

Степан Александрович вытер руки ветошкой, осторожно развернул чертёж, внимательно посмотрел на него и присвистнул.

— Управишься? — спросил мастер.

— Подумаю, — сказал Батурин-старший. — По-о-одумаю.

— Думай, — сказал Семеныч и крепко взял Батурина-младшего за плечо. — Пошли.

— Куда? — спросил Петр.

— На кудыкину гору. Не мешай работать. Идем.

И они пошли.

— Ты думаешь «втулка, втулка» — говорил Семеныч. — А без этой втулки ни одна машина не пойдет — это раз. А два, чтобы эти втулки так точить, как твой батька точит, надо пуд соли съесть. Точность — и проверять не надо. Мне эти втулки к завтраму во как, — и он провел ребром ладони под подбородком, — во как нужны! Ну, пошли. Часок у меня есть.

Ходили они вначале по этому — механическому цеху, потом пошли в кузнечный, побывали в литейном — мартеновском, а под конец зашли в сборочный. Что там увидел Петр Батурин и что он услышал от толстого мастера Семена Семеновича, я вам рассказывать не буду. Для этого нужно написать целую отдельную книгу. А если вам, дорогие читатели, интересно, то сходите на завод сами. Посмотрите, пощупайте только что вышедшие из-под резца еще горячие детали, поудивляйтесь умным и ловким машинам и еще более умным и ловким людям, которые эти машины делают и на этих машинах работают.

...С завода Батурины шли вместе.

— Ну как? — спросил старший.

— Ничего, — сказал младший. — Прилично.

— Ну то-то, — сказал старший. — Слушай, а что у вас в школе мастерская и верно плохая?

— Говорят, — равнодушно сказал Петр.

— «Говорят», — передразнил его отец. — А сам-то не видел?

— Не.

Дома Петр сразу вспомнил о таинственном письме. Он wygrеб из кармана записки и белый листок бумаги. «Аллюр три креста». Подогреть, что ли?

На кухне Батурин включил газ и развернул над ним листок. В душе он посмеивался над собой: как же, жди — проявится. Он подержал листок над огнем, перевернул его и изумился: на белой поверхности проступили отдельные светло-коричневые буквы. У Батурина затряслись руки, и он чуть не сунул листок в огонь. Запахло начинающей тлеть бумагой, и четкими темно-коричневыми буквами выступил текст:

«Горе тебе, о Петр Батурин!

Ибо ты забыл что:

1. Морковка впереди осла сильнее, чем палка сзади;

2. Барабан может заглушить оркестр, но не может его заменить.

Чтобы искупить свою вину, ты должен: выйдя из дому, пройти 1000 шагов на запад, потом

500 шагов на север. На том месте, куда упадет тень самой высокой сосны в тот час, когда эта тень будет самой длинной, ты найдешь самый большой камень, поднимешь его, пройдешь с ним 300 шагов на северо-запад и под старым пнем найдешь то, что ищешь.

И не смей ночью варить в медной кастрюле черного кота!

Всё.

Боб-Железный
Крючок»

— Ха! — сказал Петр, прочитав письмо. — Шуточки! Чепуха какая-то! Какой еще кот?! Так я и буду таскать камни! Ишь, чего захотели!

За обедом Петр был очень рассеянным и на вопросы Марии Ивановны отвечал невпопад.

— Ты не заболел ли? — озабоченно спросила она.

— Спасибо, — ответил Петр.

Батурина-мама испуганно посмотрела на Батурина-папу. Тот подмигнул ей и шепотом сказал:

— Он у меня на заводе был. Думает.

Батурина-мама недоуменно пожала плечами.

— Ну, я пошел, — сказал Петр, глянув на будильник.

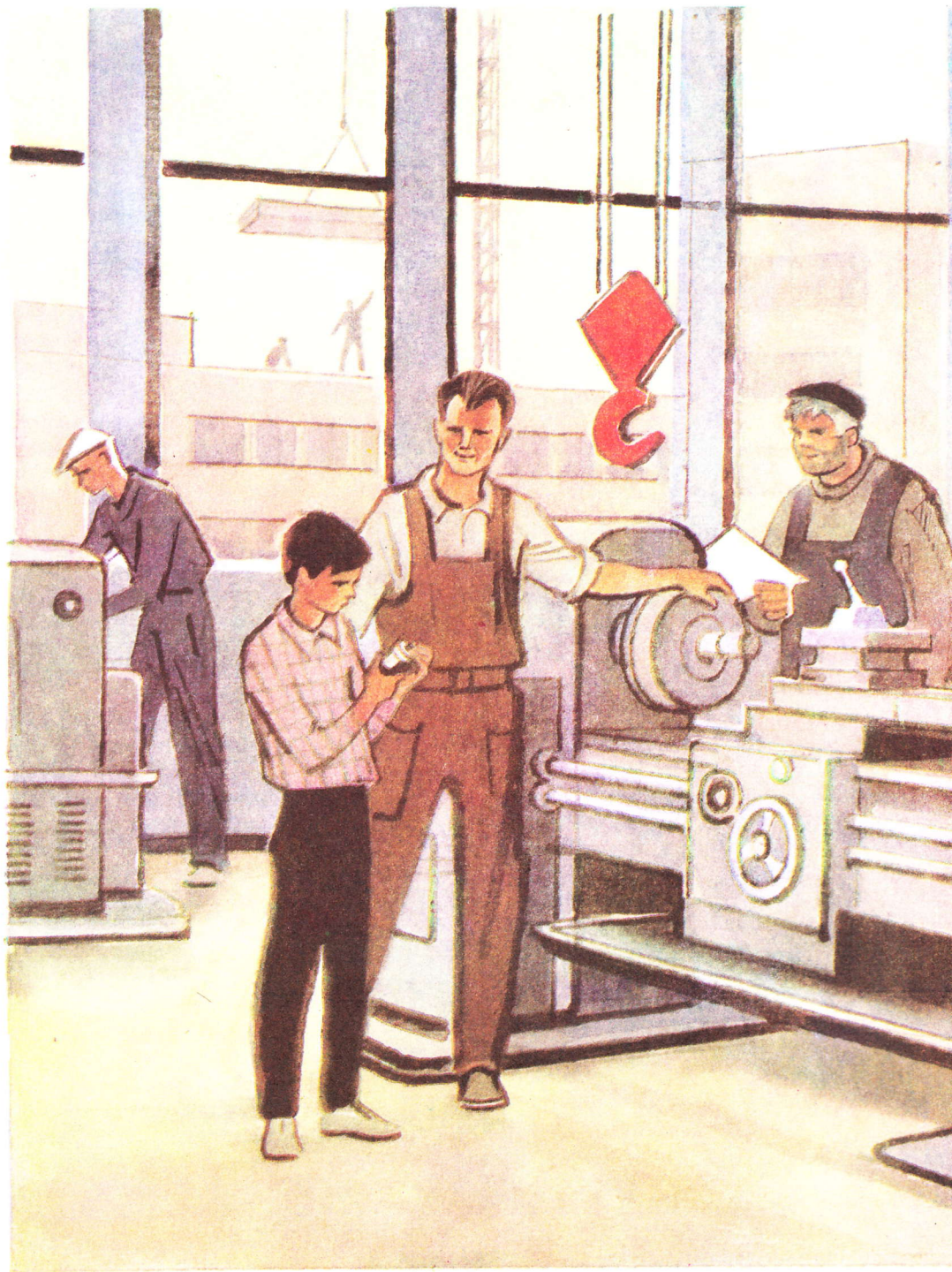
— А уроки? — строго спросила Мария Ивановна.

— Попозже, — сказал Петр и выскочил за дверь.

Выйдя из парадной, он остановился. Навстречу ему шел, что-то напевая себе под нос, профессор Орликов.

— Здравствуйте, — сказал Петр. — У вас случайно нет... медной кастрюли? Тьфу! Я хотел спросить — паяльной лампы?

— Здравствуй, — сказал Вениамин Вениаминович, — есть паяльная лампа. Сейчас поищем. Как дела?

Петр слегка замялся.

— Да, — быстро сказал профессор, — случайно не знаешь, куда это Наталья моя по-мчалась? Я ее только что встретил — неслась на всех парусах.

— Н-не знаю, — сказал Батурин.

Профессор отыскал в кладовке паяльную лампу, показал, как ею пользоваться, и вручил Петру, даже не спросив, зачем она ему.

«Вроде, он моими делами уже и не очень-то интересуется, — с некоторой обидой подумал

Батурин, спускаясь по лестнице, — ну и ладно. Сам управлюсь».

И он бодро пошагал по улице. Она вела прямо на запад. Прошагав немного, Петр вернулся к парадной и, ругая себя на чем свет стоит, снова пошел на запад, отсчитывая шаги.

Через тысячу шагов, одурев от счета, он оказался на углу старой улицы, которая шла параллельно к реке и вела прямо на север. «Не пойду!» — подумал Петр, но ноги сами понесли его по деревянному тротуару. «Ладно, — успокоил он себя, — все равно по пути».

Через 500 шагов улица кончилась, и Петр оказался на берегу реки, где росли огромные сосны. Отыскал самую высокую. Солнце уже было низко, и тень от сосны протянулась далеко. Дойдя до конца тени, он поискал вокруг и нашел неподалеку самый большой камень. Ничего себе камушек! Положив паяльную лампу — тоже не очень легкую — на песок, Батурин, крихтя, вывернул камень, кое-как поднял его и, прижав к животу, понес на северо-запад, то есть вдоль течения реки. Пройдя несколько шагов, он остановился и, разжав руки, бросил камень на песок. «Нашли дурачка, — со злостью думал Петр, возвращаясь за лампой, — камни таскать».

Взяв лампу, он подошел к камню, свирепопнул его и пошел к лодке, которая была уже не так далеко и у которой его ждала Наташа.

Но какая-то дьявольская сила заставляла его все же считать шаги и думать об этом проклятом камне. Перетащив камень, он отнес лампу и опять шел за камнем. Перемазанный в песке, мокрый от пота, злой как не знаю кто, мужественный Петр Батурин на дрожащих от усталости ногах перетаскивал этот чертов каменище, уже не соображая, зачем он, собственно говоря, мучается.

На одном из этапов этой каторжной работы Наташа его заметила.

— Петя! — крикнула она.

Батурин уронил камень и чуть не угодил себе по ногам. Наташа засмеялась.

— Зачем тебе этот камень? — спросила она и как-то странно посмотрела на Батурина.

— Пригодится, — сквозь зубы сказал Петр.

Он ожесточенно пнул камень и заскакал на одной ноге.

Потом, взяв себя в руки, сказал:

— Ладно. Сядем.

И когда они сели на перевернутую лодку, а по реке плыл белый красивый пароход, Петр спросил:

— Ты чего мне хотела сказать?

— А ничего, — сказала Наташа беспечно. — Просто захотела на лодке посидеть.

Петр не знал, плакать ему или радоваться.

— Просто так, значит? — спросил он.

— Фу, какой ты... Может, я зря пришла?

— Нет!

— Ну, тогда скажи что-нибудь. Чего ты

молчишь? Смотри, какой закат красивый... Ну, скажи что-нибудь.

— Слушай!.. А зачем черного кота в медной кастрюле варят?

От смеха Наташа свалилась с лодки. Она смеялась до того, что слезы выступили на глазах.

— Смеешься? — обиженно сказал П. Батурин. — Я пошел.

Наташа вскочила и схватила его за руку.

— Ну, не сердись, не сердись, — сказала она виновато. — Какой ты странный сегодня.

— Будешь тут странным, — проворчал Батурин и вдруг неожиданно для себя достал из кармана письмо, написанное — как их? — симпатическими чернилами. — Читай!

Наташа взяла письмо и уткнулась в него. Эх, если бы П. Батурин был наблюдательнее, он бы кое-что заметил. Но он не заметил.

— Че-пу-ха какая-то, — сказала Н. Орликова, возвращая письмо.

— Я и говорю — чепуха, — сказал Батурин. — Только... только почему мне это письмо Осипович дал? Можёт, это он сам и написал? А он так просто не напишет.

— Не думаю, — сказала Наташа. — А знаешь, давай посмотрим, что там, под старым пнем.

— Давай, — нерешительно сказал Петр. — А может... Ну да уж сходим...

П. Батурин отдал лампу Наташе, а сам, злобно притиснув камень к животу и проклиная все на свете, поплелся за Наташей.

Старый пенёк они нашли быстро. Под ним действительно что-то лежало. Это была жестяная коробочка, а в ней — свернутая трубкой записка:

«Она в опасности!!! Кошмар, ужас и безобразия!»

Надо спасать! Будь завтра с четырьмя верными и сильными друзьями в 18.00 за Гулькиной горой у поваленной сосны. Подходить скрытно. Пароль: «Боб-Железный Крючок». Не забудь насчет черного кота. В алюминиевой кастрюле его тоже не вари!»

Б. Ж. К.»

— Тыфу! — в сердцах сказал Батурин. — Кто в опасности? Тайны какие-то! Кот черный! Трепотня. Издевается кто-то. Нашли дурака!

Петр сел и начал молча разгребать руками песок. Потом спросил безразличным голосом:

— А где эта... Гулькина гора?

— Недалеко отсюда, — быстро сказала Наташа. — Мы там зимой еще на лыжах катались.

— А-а, ну какая это гора, — презрительно сказал Батурин. — Так, горка.

— Пойдешь? — с интересом спросила Наташа.

— Вот еще!... — он молчал. И вдруг робко спросил: — А ты... со мной пойдешь?

— А еще кого возьмешь? — с любопыт-

ством спросила Наташа. — Там сказано — с четырьмя друзьями.

— Ну что ж, можно взять... — начал Батурин и сразу задумался: кто же у него верные друзья?

Он лихорадочно перебирал в памяти всех знакомых ребят и не знал, на ком остановиться.

— Хорошо, — сказал он, — можно Гошку и Прошку взять и... Фикуса.

Наташа слегка удивилась, но сказала спокойно:

— А что? Они ребята — ничего.

— Пошли, — решительно сказал Батурин, — за братцами Азиатцами.

И он пошагал вдоль берега к Веретееву дому, прихватив паяльную лампу.

У самого дома они остановились, и Петр крикнул:

— Эй, Лапоть!

Лапоть не отозвался, а на крыльцо вышел сам дед Веретей. Наташа попятилась.

— Не бойся, — шепотом сказал Петр. — Он добрый.

— Здравствуйте, — сказала Наташа и улыбнулась. — Наташа... Орликова.

— Винаминыча? — спросил дед и, ткнув себя пальцем в грудь, сказал: — Веретей я.

— Мне о вас папа рассказывал, — сказала Наташа.

Веретей добродушно хмыкнул.

— Дедушка, а где Гошка с Прошкой? — спросил Батурин.

— Там, — дед показал в направлении острова.

— А почему они в школу...? — строго начала Наташа.

Батурин дернул ее за руку, но дед Веретей услышал и понял. Его густые брови зашевелились.

— Выдеру! — проворчал он. — Гошку выдеру и Прошку выдеру.

«Ишь, разговорился дед», — подумал Батурин.

— Не надо драть, — сказала Наташа испуганно, — они... исправятся.

Дед сердито мотнул головой и направился к сараюшке, поманив за собой Петра. В углу мастерской лежал мешок с паклей.

— Конопатить, — сказал Веретей и сунул мешок Батурину.

В дверь сарая заглянула Наташа.

— Ой-ой, — сказала она восхищенно, — и верно — мастерская. А это зачем? — она показала на мешок с паклей.

Батурина раздирали противоречия: сказать — не сказать? Он махнул рукой, поставил паяльную лампу на верстак, перекинул мешок за спину и вышел из мастерской. Наташа — за ним.

— Только вот что, — сказал он сурово, — ты здесь подождешь. Я у Гошки с Прошкой

спрошу. Если они разрешат... — он не закончил и зашагал вверх по реке.

... Около лодки опять прыгали Прошка и Гошка и ругались. Лапоть лежал, уронив голову на лапы, и лениво наблюдал за ними.

— Опять ругаетесь? — сказал Батурин, бросил мешок к ногам и присел на днище лодки.

Братцы Азиатцевы кое-где уже залатали дыры свежими обрезками досок, однако работы было еще многовато.

— Вы чего в школу не ходите? — спросил Петр.

— Некогда, — сказал Гошка.

— В школу надо ходить, — строго сказал П. Батурин и сам удивился: с чего это он вдруг таким правильным стал?

— А кто лодку делать будет? — закричали братцы.

— Может, еще кого на подмогу взять? — неуверенно сказал Петр.

Братцы Азиатцевы опять подняли крик, но в это время, подняв голову от лап, зарычал Лапоть. Уши у него встали торчком.

— Чего это он? — спросил Гошка.

— Там кто-то есть, — сказал Прошка.

С громким лаем Лапоть бросился в кусты. Сперва слышался только треск, потом на прогалину выскочила Наташа Орликова. За ней из кустов выдрался Лапоть и с громким лаем начал скакать вокруг. Батурин кое-как успокоил Лаптя.

Но, по чести говоря, он был даже рад, что Орликова проявила инициативу и явилась сама — вроде он ее и не приводил.

Конечно, сами понимаете, произошел довольно крупный разговор между Гошкой и Прошкой и незваной гостьей. Батурин хитренько помалкивал. А Наташа то восхищением («Ох, какая лодка замечательная!»), то

негодованием («Как не стыдно секретничать!»), то лестью («Ах, какие вы, ребята, молодцы!»), то мечтаниями («Эх, и поплывет же эта лодочка!..») — словом, всякими девчоночьими приемчиками заставила братьев замолчать. Потом они смущенно и вопросительно посмотрели на П. Батурина: дескать, ну что тут сделаешь, совсем зубы заговорила, придется взять в компанию, а ты как думаешь?

Петр Батури́н хмурился, пожимал плечами, качал головой. И получилось, что они его упрашивали, а не он их.

— Только больше, чтоб никто, — твердо сказал Батури́н.

— А как насчет движка? — спросил Гошка.

— Я одну штуку придумал, — уклончиво сказал Батури́н. — Надо попробовать.

Тут же, вроде бы между прочим, Батури́н сообщил братцам Азиатцевым о злополучном письме. Особого интереса братцы не выказа-

с недоверием, Наташа с любопытством, Лапоть подозрительно — ишь, распоряжается тут хозяйским добром. Бело-рыжий кот Тюфяк, задрав хвост, ходил вокруг корыта и терся боками о его борта.

Корыто было спущено на воду, и тут вдруг Тюфяк прыгнул в него и уселся с довольным видом посредине.

— Пошел вон! — заорали Гошка и Прошка.

— Пусть сидит, — сказал П. Батури́н, — с пассажиром даже лучше.

Затем Петр накачал лампу и зажег ее. Паяльная лампа загудела, из форсунки широкой струей вырвалось оранжевое и синее пламя.

— Внимание! — торжественно сказал Батури́н. — Пуск!

Он прибавил огня и оттолкнул корыто от берега.

— Урррра!!! — заорали Гошка и Прошка. — Пошло!

ли, но, как добрые товарищи, согласились пойти за Гулькину гору. Серьезному обсуждению подверглась кандидатура Фикуса. «Не тое, не тое, — говорили Гошка и Прошка, — не тое».

— Он все равно догадается, — сокрушенно сказал Батури́н. — Он такой. И потом... он мне насчет чернил сказал. И вообще...

— Ну, гляди, — сказали Гошка и Прошка.

Они спрятали мешок с паклей под лодку и отправились к деду Веретею. По дороге Батури́н объяснил свою идею относительно движка для лодки: можно сделать его реактивным, это даже совсем просто.

— У вас есть какое-нибудь корыто старое? — спросил Петр у деда Веретея.

Дед показал на крыльцо и сказал:

— Там.

Гошка и Прошка извлекли из-под крыльца оцинкованное корыто. Из сарая Петр вынес паяльную лампу, поставил ее в одном конце корыта, пробил две дырки в борту и проволокой закрепил лампу.

Братцы Азиатцевы взирали на его действия

Корыто, подгоняемое реактивным пламенем, величественно плыло по реке, описывая большую дугу и слегка покачиваясь на маленьких волнах. Посредине восседал кот Тюфяк, а по берегу носился, заходясь лаем, пес Лапоть. Это был какой-то ужасный беспорядок: коты не должны плавать по реке в корыте — так, наверное, думал Лапоть. И, чтобы пресечь это безобразие, он бросился в воду.

Доплыв до корыта, он положил на его борт свою огромную лапищу. Корыто накренилось. Кот заверещал диким голосом, прыгнул на спину Лаптя и мертвой хваткой вцепился в его шкуру. Корыто, зачерпнув воды, медленно затонуло вместе с паяльной лампой. Лапоть с оружием на его спине Тюфяком приплыл к берегу и долго не мог стряхнуть с себя обезумевшего от ужаса кота.

Петр Батури́н, Гошка и Прошка до посинения ныряли в поисках корыта и паяльной лампы, но так и не нашли.

П. Батури́н помрачнел.

— Вениамин Вениаминыча лампа-то, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

— Папина? — спросила Наташа. — Ладно, лампу я беру на себя!

Петр благодарно посмотрел на нее. Чего уж там говорить — отличная девчонка эта Наташа Орликова, просто мировая девчонка. Вслух он сказал:

— Не надо. Сам скажу.

Домой они шли уже совсем в сумерках.

На их лодке сидела какая-то парочка. Наташа быстро схватила Петра за руку и потащила прочь от берега.

— Да ладно тебе, — засмеявшись, сказал Батурина, — я же все равно заметил, кто это.

Наташа зажала ему рот ладошкой. П. Батурина остановил-

ся как вкопанный и готов был так стоять целую вечность.

— Ну и что?! — шепотом сказала Наташа. — Если она пионервожатая, так уже и не человек? Да?

...Перед домом на скамеечке сидели тетя Пуся и тетя Гуся, а с ними рядом — Петр даже удивился — его собственная мама. Тетя Гуся молча курила, а тетя Пуся и Батурина-мама мирно беседовали.

— А как вы считаете, — спрашивала Мария Ивановна, — овсянка полезна?

— Хм, — говорила тетя Гуся, — англичане, например, систематически едят овсянку.

— Вот и я думаю... — сказала Мария Ивановна.

— У англичан от овсянки лошадиные физиономии, — вставила тетя Пуся, не вынимая изо рта папиросы.

— Мам, — не выдержал Петр. — Пошли домой.

— А-а! Явился! — тоном, не предвещающим ничего хорошего, сказала Мария Иванов-

на. — Ну совсем от рук отбился... — она вдруг осеклась, увидев рядом с Петром Наташу.

— Натали! — сказала тетя Пуся, — где ты пропадала? Профессор рвет и мечет — ты ему нужна.

— Иду, — сказала Наташа. — До завтра, Петь...

И она упорхнула, а у Петра загорелись уши.

— Это ваш мальчик? — спросила тетя Пуся.

— Мой, — робко ответила Батурина-мама.

— Прекрасный мальчик, — сказала тетя Гуся.

— Правда? — спросила Мария Ивановна.

— Воспитанный, — сказала тетя Пуся.

— Правда? — спросила Мария Ивановна.

— Деликатный, — сказала тетя Гуся.

— Ну что вы, что вы?! — спохватилась Мария Ивановна. — И совсем он не такой. Уж я его знаю! Вот у вас девочка очень хорошая, очень. Петя, правда?

— Пр-равда, — прохрипел Петр Батурина. — Пошли домой, мам.

УЖ ТЫ ЛЕС, ТЫ МОЙ ЛЕС

Это первая строчка стихотворения, которое сочинил мальчик Никита, герой прекрасной повести Алексея Толстого, — ты ее, конечно, читал.

Нам кажется, что лучше о лесе не скажешь. Действительно, зеленый, дремучий, бескрайний, могучий, буйный, певучий — одним словом, уж лес так лес!

Приглашаем тебя погулять по Лесу, который шумит сегодня на целых двенадцати страницах «Костра».

Вот путеводитель, чтобы не заблудиться:

А вот пропуск с паролем, чтобы Лес знал, что ты идешь к нему с добром:

«...РАСШИРИТЬ РАБОТЫ ПО УХОДУ ЗА ЛЕСОМ, УСИЛИТЬ ОХРАНУ ЛЕСОВ ОТ БОЛЕЗНЕЙ, ВРЕДИТЕЛЕЙ И ПОЖАРОВ».

Из девятого пятилетнего плана

ОПУШКА

Чувствуешь, как сразу легко и свободно стало дышать?

ЛЕС И КЛИМАТ

Один гектар зеленых насаждений поглощает восемь килограммов углекислого газа в час, то есть столько, сколько выделяют при дыхании за то же время двести человек.

Другими словами, если Земля до сих пор не превратилась в «космический корабль», экипаж которого задыхается от недостатка воздуха, так это потому, что есть на Земле зелень — лес, кусты, трава.

Чем больше лесной массив, тем большую целебную зону он

создает вокруг себя. Тайга, скажем, оздоравливает климат целых областей.

В центре Ленинграда есть зеленый оазис — Летний сад. Если лето знойное, засушливое, оно в городе, с его асфальтом, особенно чувствуется. Но стоит войти в ворота Летнего сада, как дышать становится легче, воздух тут чище, прохладнее, чем рядом на улице.

Сейчас города, быстро растут, появляются новые кварталы и районы. И бывает, что

дом готов, а вокруг земля раз- выходят в свободный день на
ворочена колесами самосвалов, пустырь, сажают кусты, дере-
захламлена. Тогда новоселы вья, разбивают цветники.

И вы займитесь
посадкой (ТОЛЬКО
НЕ САМОВОЛЬ-
НИЧАЙТЕ! ПОСО-
ВЕТУЙТЕСЬ СНА-
ЧАЛА СО СПЕЦИ-
АЛИСТАМИ-О З Е-
ЛЕНИТЕЛЯМИ!) —
и вы увидите, как
быстро улучшится
микроклимат у ва-
шего дома.

Не зря в народе
сложилась такая
присказка:

*Весной — веселит,
Летом — холодит,
Осенью — питает,
Зимой — согревает.*
Это все про лес.

Т. Томасевич

**ТРОПКА-
СПРАВОЧКА**
сообщает
о
любопытном

1 га = 200 ЧЕЛОВЕК

Еще в XVI веке испанец Фернандо Колон подметил,
что на Канарских и Азорских островах, там, где выру-
били леса, стало меньше выпадать дождей.

* * *

Известные ученые прошлого, чьи имена знакомы те-
бе, — Бюффон, Гей-Люссак, Беккерель — кропотливо
наблюдали, как лес влияет на климат. Со второй поло-
вины прошлого века начались опыты на так называе-
мых парных станциях: одна станция — лесная, дру-
гая — в поле. Там и здесь дважды в сутки измеряют
температуру и влажность воздуха и почвы, а затем ре-
зультаты сравнивают. Оказалось, что в самые жаркие
месяцы в лесу на три-четыре градуса прохладнее, чем
на вырубке.

* * *

Почти сто лет назад в России появились парные
станции. Исследования начал проводить знаменитый
русский естествоиспытатель В. В. Докучаев.

ГЛАВНАЯ ТРОПА

В нашей стране много чудесных лесов — о каком расска-
зать? О сибирском таежном! О карпатском вечнозеленом!
О кавказском высокогорном!

**А может быть, об Усманском, что в Воронежской области?
Решено! Итак,**

В ГЛУБЬ УСМАНСКОГО БОРА

И. Обленов

Чем дальше, тем хуже?!

Идем по лесной тропе с Митрофаном Петровичем Скрыбиным, старейшим лесоводом Усманского бора.

— В незапамятные времена здесь повсюду росли дубы в два обхвата и корабельные сосны, — говорит Митрофан Петрович.

— Как об этом узнали?

Митрофан Петрович отвечает не сразу. Он оглядывается по сторонам, обыскивает небольшое высохшее болотце. Наклоняется, берет щепотку торфа.

— Он помог. В нем под микроскопом увидели пыльцу древних деревьев и определили, каким был лес тысячу лет назад.

Шуршит под ногами сухая коричневая подстилка, вокруг — сосны, хоть и не на подбор корабельные, но все же очень неплохие.

— Им полтора века, — объясняет Скрыбин. — Мало таких «старичков» осталось в лесу.

Потянулись скучные, худосочные осинники.

— А эти осины появились совсем недавно.

От дуба — к осине. Что ж это? Получается, что бор постепенно гибнет?!

Митрофан Петрович улыбается:

— Я нарочно повел вас таким маршрутом, чтобы показать, от какой судьбы мы избавили знаменитый Усманский бор.

Спасли от гибели

Лес умирал. Его хозяева, помещики и заводчики, сплошь вырубали наиболее ценные породы — дуб и сосну. На их месте вырастали ольха, береза, осина. Все больше становилось больных, усыхающих деревьев.

Что стало бы с бором, если бы не революция?!

Владимир Ильич Ленин понимал как важно беречь природу — леса, сады, парки. По его указаниям создавались первые заповедники — Астраханский и Ильменский.

Дошла очередь и до Усманского бора.

Он — как зеленый остров среди степей. Он — хранитель почвенной влаги, заслон от суховея, он благотворно влияет на климат, смягчая его...

Ученые решили вернуть Усманскому бору его стародавнюю славу.

Они начали с того, что вырубали ни много ни мало — почти треть бора! Удалили больные деревья, чтобы дать простор здоровым и сильным.

На месте сорных зарослей стали понемножку подниматься молодые сосны и дубравы...

Разведчики

За изгородью — деревце. На его стволе номер. И на соседних деревьях тоже номера.

К этим деревьям никто не прикасается. Никто их не холит, не лелеет, не лечит. Растут сами по себе и... рассказывают. Ростом своим, формой кроны, рисунком на коре рассказывают о том, как отразились на них позапрошлого засушливое лето, прошлогодняя суровая зима, нынешняя, обильная дождями, осень.

Лесоводы «слушают», мотают на ус, что к чему.

Пушкин, Кольцов, Некрасов, Тургенев, Чехов, Толстой — нет, пожалуй, ни одного великого русского писателя, который не говорил бы с любовью о Лесе.

И слово их не расходилось с делом.

Вот и шумит на нашем пути

ПИСАТЕЛЬСКАЯ РОЩА

Вербы Шевченко

Поэта Тараса Григорьевича Шевченко правительство сослало в безводную казахскую степь.

В укрепление на берегу Каспийского

моря поэт привез прутик вербы, воткнул его в землю. Прутик пустил корни, Шевченко стал его поливать, деревце начало расти.

Через семь лет, когда поэт покидал эти края, посаженная им верба уже была высокой, раскидистой. Она стала первым деревом первого сада, донныне су-

— Пробные площади — это как бы наша разведка, — считает Митрофан Петрович Скрыбин. — Здесь сражаются, надеясь лишь на себя, шлют донесения, а бывает, что и жертвуют жизнью.

Злые опята

Старший научный сотрудник Ирина Ивановна Молоткова в разгар рабочего дня собирала опята.

Оказывается, эти грибы, дружными семьями растущие на старых пнях и трухлявых стволах, — злейшие враги леса. Они «добивают» ослабленные деревья.

Вот так симпатичные грибы!

— Раз много опят, — сказала Ирина Ивановна, — значит, принимай срочные меры: проводи окорку пней, удаляй пораженные деревья, — иначе грибы быстро распространятся во все стороны.

Элита

— Какая красивая сосна!

Ученые называют такие великолепные деревья «плюсовыми». Лучшие из «плюсовых» входят в разряд «элитных».

Вся элита Усманского бора известна лесоводам наперечет. Ведь семена лучших деревьев — большая ценность.

Посмотрите, как они — элитные — выглядят!

Со всего света

Ученый-селекционер Виктор Васильевич Иевлев привел меня на Черепяхинский кордон.

Деревья по обеим сторонам дороги стояли стеной, но — поворот, и взгляду открылась солнечная поляна.

На поляне рядами росли сосенки. Разные сосны. И крона, и стволы у них разные. Длина и цвет хвои не одинаковые. Кое-где на веточках виднелись привои, обмотанные изоляционной лентой.

— Здесь собраны сосны со всего света, — пояснил Виктор Васильевич. — Мы скрещиваем их, чтобы получить деревья неприхотливые, быстро растущие...

Вот желтая сосна из Северной Америки. Каждая ее хвоинка — сантиметров в тридцать. Американскую сосну скрестили с нашей, крымской, устойчивой к засухе.

Черную австрийскую сосну, богатую смолой, скрестят с сосной Муррея. Этот гибрид, надеются ученые, сможет расти на меловых и песчаных почвах, а их в нашей стране миллионы гектаров.

Представляете, как это здорово: новые виды сосен, не боящиеся засух и морозов, вырастут там, где прежде ничего не росло и дадут государству ценную древесину!

Тут как раз и открылась
перед нами
ПРОСЕКА,

потому что лес рубить —
не обязательно лес губить,
и об этом мы тоже должны
рассказать.

существующего в городе Форт Шевченко на полуострове Мангышлак.

Сад Чехова

Вот что писала сестра писателя Мария Павловна: «Самозабвенно любя природу, брат хотел создать в Ялте цветущий уголок вокруг своего дома... Целые дни он проводил за посадкой деревьев, кустов, цветов». Кипарисы, кедры, ясень, шелковицу, магнолию, посаженные Антоном Павловичем, можно и сегодня увидеть в саду Дома-музея Чехова в Ялте.

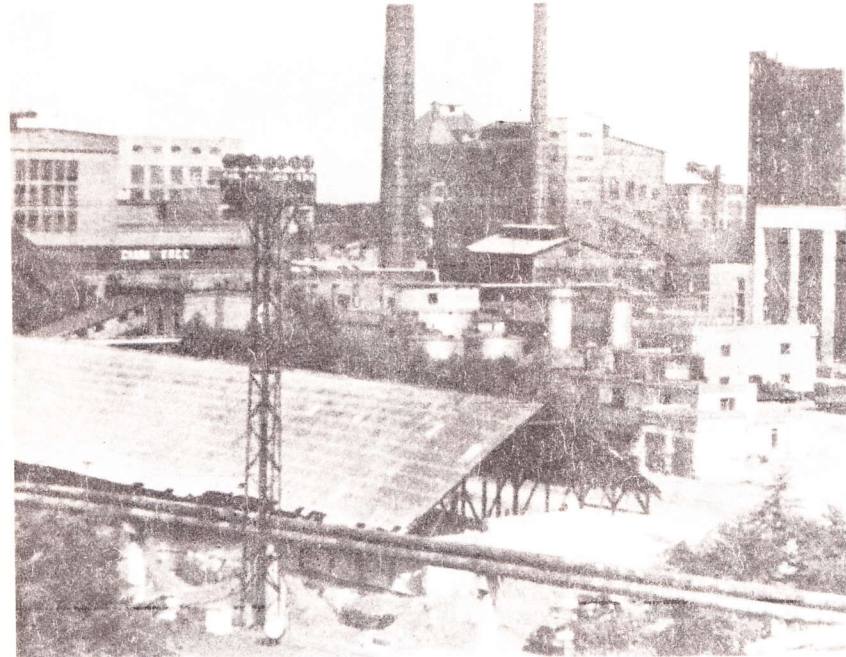
Березы Толстого

В Ясной Поляне Лев Николаевич Толстой обсаживал овраги и балки, чтоб деревья защищали почву и сохраняли воду. Около своего дома в Хамовниках он разбил небольшой живописный парк:

Липы Тургенева

На Орловщине славится старый парк Ивана Сергеевича Тургенева, и особенно липовая аллея. Каждое дерево посадил на этой аллее писатель Тургенев.

И пишем по дереву

А. Конгро

Я прилетел в Советск, на целлюлозно-бумажный комбинат.

Слева, за высокой трубой, — древесно-подготовительный комплекс. Это, пожалуй, самый крупный цех. Вращаются огромные, полые внутри, колеса. Сюда и попадают бревна из железнодорожных вагонов. Кувыряясь, они очищаются от коры и прыгают на транспортер. Лефта несет их к высокой стальной воронке.

Если заглянуть в эту воронку, то видно темное отверстие. Я подобрал с пола деревяшку, опустил в раструб.

Послышалось мимолетное «вжж!» — и на нижний транспортер выпала горстка щепок. Я их догнал, взял в руку. Они были колкие, пронзительно пахли лесом и чем-то особенно летним — дождем, грибами, землей. Жаль, признаться, этого превращения дерева в щепу. И не только мне жаль. Ученые многих стран озабочены сейчас этой проблемой. Они ищут, чем можно в бумажном производстве заменить древесину.

Горсть щепок нырнула на транспортере в тоннель. И я поспешил за ней.

Цех, куда она скрылась, называется варочный. Щепки здесь просто-напросто варят. Формой котлы похожи на желуди. Только желудь этот в несколько этажей. Идешь вверх по лестнице — этаж, другой, третий.. — рядом выгибается бок котла, и конца ему, кажется, нет. Вот и последний этаж. Вот и чердак. На чердаке находится крышка котла. Она стальная, толщиной в кулак, наглухо завинчена гайками. Что там творится за «семью замками»?

Начальник цеха Василий Яковлевич Горцевич чаще всего повторяет два слова: целлюлоза и лигнин.

Целлюлоза — то, что хотят получить из щепок.

Лигнин — то, от чего хотят избавиться.

Целлюлоза — вещество, из которого потом изготовляют на этом комбинате бумагу для газет, журналов,

тетрадей, блокнотов... А лигнин мешает, он склеивает волокна древесины в твердое дерево.

— Ваша деревяшка сейчас попала в котел вместе с другими щепками, — улыбается начальник цеха, — затем в котел заливают варочную кислоту, она разъедает щепки, растворяет лигнин. И для лучшего растворения идет в котел под давлением раскаленный пар.

ТРОПКА-СПРАВОЧКА

— Можно ли использовать лигнин? — спросили мы кандидата технических наук Александра Даниловича Иващенко. Он ответил:

— Из щелочного лигнина можно получать смолы, которые хорошо склеивают фанеру. Сейчас в дорожном строительстве применяют горячий асфальт. Это не очень удобно: асфальт быстро стынет и твердеет. Выгоднее применять каменный материал, пропитанный эмульсией лигнина.

Используют лигнин и для получения цветной, очень прочной резины. При его участии можно изготовлять красивые цветные сапожки, резиновые игрушки. А в промышленности, например, — автомобильные покрышки. Сейчас все шины у машин черные, потому что к каучуку добавляют до 70% сажи. Если этот наполнитель заменить лигнином, тоже до 70%, то шины можно будет делать любого цвета. Автомобили станут очень нарядными.

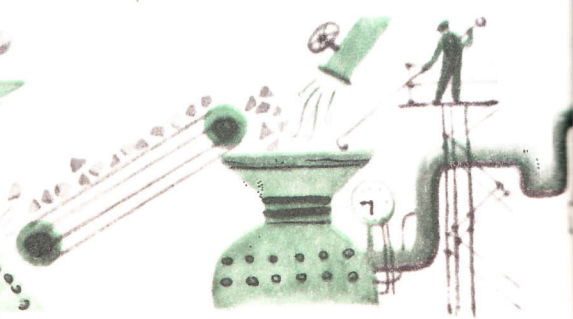
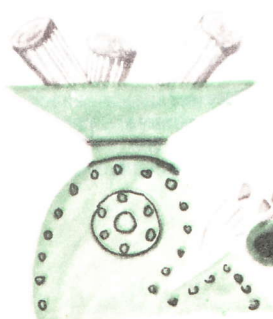
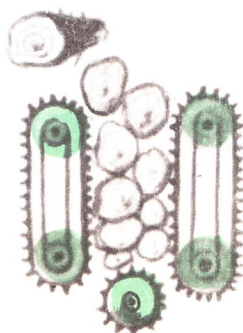
Добавка щелочного лигнина в полиэтиленовые пленки сделает их эластичными при самых низких температурах.

Эти работы-исследования выполнены в Ленинградской лесотехнической академии под руководством действительного члена Международной Академии лесных наук профессора Виктора Михайловича Никитина.

Приборы на пульте управления варочным котлом очень сложные. Вот электротермометр. Он определяет, конечно, температуру. Манометр — давление в котле. Самописцы чертят свои кривые линии. Из контрольного крана наливают пробу в мензурку. Вроде как повариха берет пробу и добавляет в суп чуть-чуть соли или лаврового листа. Только варочную жидкость на язык не попробуешь. Как определить ее качество? Йодом. Если в раствор крахмала капнуть обыкновенного йода, то жидкость посинеет. Смотря по тому, сколько пришлось влить йода, чтобы проба стала синего цвета, и определяют качество варева.

Опытный варщик — а некоторые работают здесь лет по двадцать — уже просто по легким оттенкам запаха узнает, какой получилась варка.

Василий Яковлевич гордится своим цехом. По его мнению, варочный цех — главный на комбинате.

Если рассудить да подумать, то, может быть, так и есть. Ведь без котлов Василия Яковлевича не будет бумаги. А если нет бумаги, значит, нет книги, нет журнала, нет даже обоев в вашей комнате... И выходит, правильно Василий Яковлевич гордится своими котлами.

Не так давно он и двое рабочих внесли рационализаторское предложение. Раньше щепу сыпали в котел как придется, она ершилась, занимала большой объем. Теперь в струю щепок поставили паровую турбину. Она закручивает поток щепы и с силой гонит его вниз. Щепки укладываются плотней.

— За один прием можно сварить больше целлюлозы, — объясняет начальник цеха.

Вот опять это слово! А как она выглядит, целлюлоза? Во что превратилась моя деревяшка после того, как стала щепой и сварилась в котле?

Я настиг свою деревяшку на очистном участке. В длинных металлических чанах — жидкость молочного цвета. Я зачерпнул ее горстью, отжал — и на ладони остался мокрый комочек обыкновенной ваты.

Машины промывают вату чистой водой. За очисткой следит молодой парень Виктор Баранов — старший очистник (так называется его должность) и его товарищи Александр Петухов и Валерий Власенко. Так уж случилось, что у Валерия сегодня первый рабочий день. Он чувствует себя слегка не в своей тарелке, хотя вида не подает.

— Ничего, привыкнет! — говорит Виктор Баранов. — Привыкнет. А работа понравится, — по себе знаю.

Виктор открывает заслонку, и поток целлюлозы устремляется в другой цех. Я тороплюсь следом. Не опоздать бы за тем комком «ваты», которым стала теперь моя деревяшка. Виктор машет мне вслед рукой.

Рядом с очистным — отбельный участок. Многоэтажный корпус, двухсветные цеха. В центре цеха рабочие раскатывают на полу странный ковер. Он отлиывает металлическим цветом. Если присмотреться, то обнаружишь, что ворс у ковра... железный. Старший рабочий Вячеслав Федорович Лебедев размечает, как резать-кроить ковер. Он нужен, чтоб обернуть большой круглый вал в машине. Этот вал, слегка погружаясь в молочную целлюлозную воду, цепляет своими ворсинками ее мягкие нити, наматывает на себя. На поверхности вала образуется светлый ровный слой.

— Отбеливают целлюлозу сначала хлором, — поясняет Вячеслав Федорович, — потом щелочью и, наконец, атомарным кислородом. Вы замечали, конечно, что старые книги, журналы — желтоватого цвета. Бумага пожелтела от времени. Теперь мы начали обрабатывать целлюлозу не просто хлором, а двуокисью хлора. Поэтому вашей деревяшке особенно повезло.

И Вячеслав Федорович загибает пальцы:*

— Во-первых, бумага из нее не будет стареть и желтеть. Во-вторых, она станет более прочной, такую трудней порвать. И в-третьих, — экономится целлюлоза.

ТРОПКА-СПРАВЧКА

— Что еще, кроме бумаги, можно изготовить из древесины? — спросили мы у Александра Даниловича Иващенко.

— Это богатейшее органическое сырье, — ответил он. — При химической обработке из дерева получают весьма ценные продукты:

картон, кормовые дрожжи, спирт, ванилин для парфюмерии, скипидар, канифоль, масла для лакокрасочной промышленности, уксусную кислоту, древесный уголь, коптильную жидкость. Кстати, рецептура коптильной жидкости разработана в Ленинградской лесотехнической академии. Эта жидкость получается при сухой химической переработке древесины, из древесной смолы. Щепу загружают в реторту и обрабатывают при 400 градусах по Цельсию. Жидкость эту уже применяют на Калининградском рыбном заводе. Я сам, когда бываю в отпуске и ловлю рыбу, копчу ее новым методом. Три минуты — и готово. Очень вкусно. Автор этого метода — профессор Алексей Алексеевич Ливеровский.

Кроме того, из древесины получают киноплёнку, магнитофонную плёнку, искусственное волокно для шелковых, штапельных тканей и так далее.

Из одной тонны древесины можно получить пятьсот килограммов ткани. Значит, из одного дерева можно сделать столько платьев и рубашек, что хватит для мальчиков и девочек целой школы.

Тем временем моя деревяшка попала в главную машину комбината — бумагоделательную. Она состоит из стальных барабанов, и все они крутятся. Первые барабаны точно так же, как в отбельной машине, цепляют ворсом мокрую, рыхлую целлюлозу и наматывают ее на себя. Другие барабаны катятся друг по другу, а целлюлоза идет меж ними. Так отжимают воду. Следующие барабаны подхватывают этот слой, сдвливают, делают его тоньше. Потом полотно целлюлозы, уже упругое, прокатывают опять барабаны, горячие, как утюги. Бумага становится глянцевой и эластичной. Десятки метров идешь, и все крутятся, крутятся разные барабаны. Вдруг машина обрывается... а на последний барабан наматывается белая, чистая, обыкновенная бумага, такую все мы привыкли видеть. Я потрогал ее, глянцевую, еще теплую... вот какой стала моя невзрачная деревяшка.

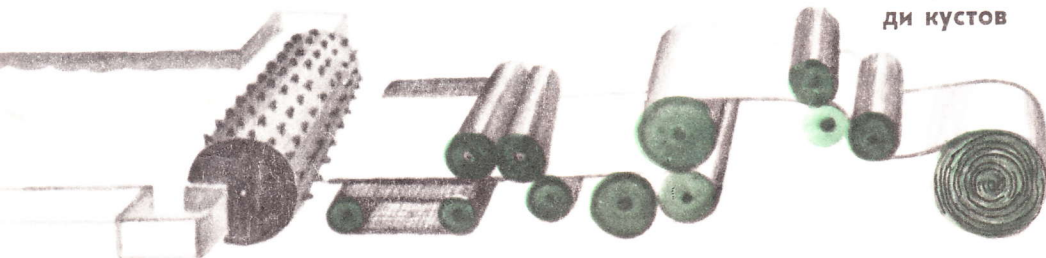
У бумагоделательной машины прохаживаются молодые девушки и ребята. Это проходят практику ученики профессионально-технического училища.

Люся Богданова берет отрезок бумаги на пробу в лабораторию. Приборы определяют влажность, толщину, разрывную длину бумаги. Другая девушка, Лена Покрышкина, выбирает из коробки разные штампики и в зависимости от сорта, качества бумаги ставит печати на готовые к отправке рулоны.

Когда я прощался с комбинатом, мне на память подарили блокнот. Хочется думать, что он — из той самой, моей деревяшки. А может быть, из той деревяшки сделана как раз эта страница «Костра», которую вы сейчас прочитали.

Ты не забыл, что наш Лес — не простой, а «Костровский»!
Если забыл, мы тебе сейчас это напомним.
Вон мелькнула впереди средин кустов

**ПОЛЯНКА
«ЗЕЛЕННЫХ
СТРАНИЦ»!**

Раздел ведет писатель
Н. Сладков

ШТАБ „КЕДР“

Дежурный —
инженер зеленого строительства
Ирина Несторовна Сурица

Почтальон приносит в штаб много писем о том, как вы, ребята, любите лес, как бережете деревья и охраняете их от врагов.

Сегодня я отвечу на некоторые письма.

«На лесной тропе я увидел березку, у которой многие ветви были обрублены. Какому-то недругу леса пришло в голову помахать топором. И вот искалечено живое существо. Я спустился к берегу реки, набрал там глины, перемешал с песком, снова вернулся к березе, замазал ее раны.

Через некоторое время проходил мимо того места, где раненая березка. Вышел на полянку и увидел засыхающий ствол. Нет, не удалось мне спасти березку! Домой я шел хмурый, не смотрел по сторонам. Не было у меня в тот день настроения».

Виктор Тихомиров,
пос. Красава Тихвинского р-на
Ленинградской обл.

Видимо, порезы были глубоки и окольцевали ствол березки, а значит, не поступали питательные вещества в корни, а вода с минеральными солями в крону. Это и привело березку к гибели. Ты же, Виктор, сделал все правильно.

Если вы идете по лесу и видите на дереве свежие раны, поступайте так же, как Виктор!

Чем еще можно замазать раны? Садовым варом. Масляной краской.

«Наше село очень красивое. Оно окружено со всех сторон лесом. В выходные дни многие отдыхают в лесу. Но среди них есть такие, которые берут с собой топоры и надрубают березы, чтобы пить сок. Потом уходят. А дерево погибает. Что на-

до сделать, чтобы наш красивый лес не погиб?»

Галя Дамм, совхоз «Пухальский»
Кокчетавской обл.

Конечно, березовый сок очень вкусный и полезный. Но чтобы собрать его, совсем не надо губить дерево. Можно воспользоваться специальной воронкой для сбора сока или сделать острым ножом аккуратный надрез на коре в форме стрелы острием вниз. Когда сок стечет, рану надо замазать садовым варом (или масляной краской, или глиной), чтобы в дерево не попадала инфекция.

Не все, кто собирает березовый сок, знают об этом. А кто-то и не хочет этого знать. Тем, кто не знает, надо объяснить. Тех, кто не хочет знать, — заставить! Губить лес никому не позволяется!

Есть ли у вас в совхозе «Зеленый патруль»? Пусть к весне составит таблички, как собирать сок, развесит их в самых людных местах. Пусть ребята патрулируют в лесу, следят за сбором сока, а если увидят пострадавшее дерево — сразу помогут ему. Губители деревьев должны знать: у леса есть смелые, верные, умные защитники.

«От нашего поселка в двух километрах есть лес. За лесом река, а за

рекой опять лес. Он тянется на север, и не видно его края.

Дорогой штаб «Кедр»! Я собираюсь стать лесничим, но не знаю, после какого класса нужно поступать. Штаб «Кедр», напиши, пожалуйста, есть ли лесные техникумы?»

Трофимов Юра,
Башкирская АССР, пос. Дюртюль

В разных концах нашей страны есть техникумы лесного хозяйства. Там готовят техников лесного хозяйства, говоря иначе — лесничих. Эти люди будут ухаживать за лесом, выращивать молодые деревца в питомниках, на вырубках и пустырях. В техникумы принимают ребят, окончивших 8 классов.

Вот несколько адресов:

Алтайский край, г. Бийск, ул. Л. Толстого, 150. Бийский лесной техникум.

Воронежская обл., пос. Хреновое. Хреновский лесной техникум им. Г. Ф. Морозова.

Ленинградская обл., Тосненский р-н, пос. Лисино, Лисинский лесной техникум.

Северо-Осетинская АССР, г. Алагир, Северо-Кавказский лесной техникум.

Наш штаб желает тебе, Юра, успеха!

В ЛЕСАХ И ПОЛЯХ

Лисье представление

Дугой охватывала поле ольховая опушка. Я посмотрел на нее и застыл на месте. Шепотком позвал:

— Шурка-а... Шурк.

Мой приятель, школьник Шурка, как выступил из-за куста, так и вытаращил сливовые глаза:

— Лисы-ы. Одна... два... пять!

— Тсс-с...

Лисы уставились на нас, а мы на них. Мы не шевелимся, и они не шевелятся. Они нас ни разочку до этого не выдвигали, и мы их также.

Ближняя к нам, крупная, с яркой-яркой рыжиной и белым подшейком. Голова с острым носом повернута в нашу сторону. Мать.

За матерью, за защитой, столбиками торчат лисята. У них рыжина не выпеклась еще на солнышке, посветлее.

Шурка навел бинокль на мать-лисицу и сообщает:
— Морда сердитая. Недовольна. А лисятки красивые. Я знаю, чего они на Игрёво поле вышли. Сказать? В лесу сыро. Вот мамка их и вывела сюда. Мышей-полевок половить. Смотрите! Что выделывают!

Лисята сидели, сидели, затомились, заскулили — дети ведь! — и в один миг подомали столбики. И на пашне давай играть меж собой: прыгают, гоняются, выгибая хвосты, друг за дружкой, плавно, как волны, вскидываются, припадают передними лапами и головой

к земле. Или один задирает другого, оба сходятся, спины выгибают луком, бьются лапками, грудью теснят. А мать как была настороже, так и не сдвинулась с места и головы не повернула в сторону шалунов. Играют и ладно. Лишь бы эти двое людей, высокий и низкий, стояли на месте.

Иногда лисенок, спасаясь от наседавшего брата, за-скакивал в ольховые кусты и таился там, но ненадолго хватало терпения, уловив момент, вылетал из кустов и кидался на обидчика.

— Куча мала! Куча мала! Как у нас в школе, — заливается Шурка. И поднимает руку. Лисята замирают от неожиданности каждый на своем месте. Головки вверх. Опустил руку — головки вниз. И Шурка вступает в лисью игру. Он руку в сторону — они поворачивают головы в сторону.

Шурка ликует:

— Будем стоять здесь столько, сколько сами лисы дозволят.

Но тут берегом Окши в деревню погнал стадо Шляпок. Вышла из-за кустов корова да как рыкнет, почуяв зверинный дух, — лисы в кусты. Кончилось представление.

Так близко мы видели пять лис. Так близко!

В. Бочарников

МИГ

БЕЛКА И ВОРОНЫ

Белка решила пересечь поляну. Спустилась с дерева, побежала напрямик по рыхлому снегу. Две вороны сейчас же ринулись на зверька. Белка заметалась из стороны в сторону, с трудом увертываясь от крепких, как долото, вороньих клювов. Спасла ее кучка хвоста — заби-лась рыжая под ветки и притихла. Вороны потоптались, посоветались о чем-то, потом одна поднялась на вершину ели — сторожить, а другая

принялась разбирать хвост. Минут через пятнадцать птицы поменялись ролями. Они работали с удивительным усердием, и бедная белка, наконец, уже видела, как все ближе и ближе подступают к ней вороньи клювы.

Я не стал дожидаться конца драмы, отогнал хищниц, белка выскочила из-под валежника, и я сфотографировал ее на память.

А. Пирожков

Грозный на вид большой зубр вырос и живет в Ленинграде, в зоопарке. Наверное, поэтому его зовут добродушно, как котенка, — Мурзиком.

Зубр

из „КРАСНОЙ КНИГИ“

Самое крупное наземное животное Советского Союза — это зубр. Взрослые быки нередко весят тысячу килограммов.

Когда-то в лесах европейской части нашей страны зубров было очень много. К началу нынешнего столетия их почти всех истребили. На зубров охотились ради мяса и шкуры. Головы великанов украшали богатые гостиные.

В 1923 году было создано международное общество охраны зубров, которое пересчитало оставшихся в зоопарках животных и всеми силами стало их оберегать.

В нашей стране зубры живут и выращивают зубрят в заповедниках: Беловежская пуща, Аскания-Нова Приокско-Террасный.

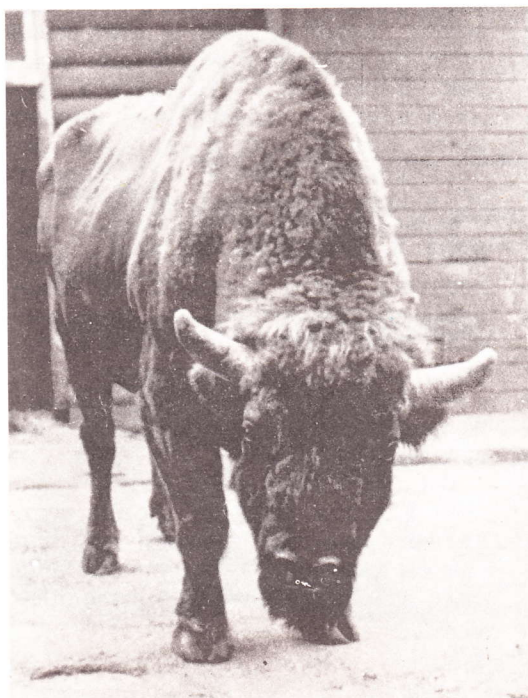
Всего около тысячи чистокровных зубров сейчас насчитывается во всем мире.

Эти могучие животные живут небольшими группами: мать с телятами и молодыми двух-трехлетними зубрятами или взрослыми зубрами. Зимой группы собираются в стада — по несколько десятков животных.

Новорожденный зубренок весит около 23 килограммов. Через час после появления на свет он поднимается на ноги, а через полтора может следовать за мамой.

Питаются зубры травами и кустарниками. В зимнее время добывают корм из-под снега.

Е. Лысов, Е. Левин

Есть в нашем Лесу, к сожалению, неухоженные уголки, куда человеку и заглянуть страшно.

Туман ползет над болотом, комары зудят, ахает и ухает в зарослях всяческая чертовщина и нечисть.

Но мы ведь с тобой люди храбрые! Давай посмотрим, что там происходит.

В БУЕРАКЕ

КТО САМЫЙ ВРЕДНЫЙ?

К. Анатольев

Я! Я — самый вредный! — выкрикнул Майский Хрущ, известный еще под именем Майского жука. Голос у него был склочный, скрипучий. — Я первый напал на корни этого дерева, — скрипел Хрущ, — мои личинки днем и ночью без усталости грызли корень. От этого дерево и засохло в конце концов. Мое дерево!

— Ну да, твое! — возмутились Листовертка и Лубоед. — Ты один, что ли, портил? А мы, значит, бездельничали?! А человек Вася тебе не помогал?!

— А я не скрываю! Помогал! Раньше как было? Плохо было жить: ютился я, как бедный родственник, по полянкам да ветровалам. Спасибо Васе — вырубил самые крепкие деревья, вроде дуба и липы. Теперь на вырубках для меня благодать. Жуи корешки берез и осин да радуйся!

Тут поднялась со своего места Листовертка. Взмахнула голубоватыми крылышками и опустилась рядом с Хрущом на ствол. В лапе сухой скрюченный лист держит.

— Вот, смотрите, — зашелестела она и подняла лист повыше, — этот лист я изуродовала, пока была гусеницей. А остальные листья и вообще съела. — Погладила себя по мохнатому брюшку и продолжала: — Я вредитель не меньше, чем Хрущ! Я не жду, пока листья вырастут, я, хи-хи, только почки появятся, сразу их поедаю! Каждый, наверно, видел дубняки без листьев, так это моих гусениц дело!

Следующим взял слово большой Лубоед. Он летел к стволу прямо и грузно, как жужжащий камень. Сложил черные, глянцеваы надкрылки, откашлялся хриплым голосом.

— Перво-наперво спасибо Васе-человеку, который вырезал на дереве надпись «Вася+Ася». Мне бы не

пролезть под кору, пока я не нашел это место. Все знают, что я питаюсь мякотью, которая находится между жесткой корой и твердым стволом. Еще раз спасибо, Вася. Теперь борьба со мной будет трудной. Пока эти яды-химикаты достанут меня, ха-ха, скорее весь лес сгорит. А я себе выгрыз теплую и просторную квартиру под корой, ходы и выходы. Всех личинок своих пристроил на теплые места. И живу теперь не хуже других. Меня теперь голой рукой не возьмешь! Я есть главный вредитель леса.

— Это значит, Лубоеду отдай все дерево? — прямо с места выкрикнула Огневка. — Если он такой толстый, то ему всё, а нам ничего? Да я сама лично отложила яйца в еловые шишки. Из этих яиц вывелись личинки и поели все еловые семена. Из таких шишек ни одна ель не вырастет, шишки-то все пустые! Мы, Огневки, иногда уничтожаем из каждой сотни зерен — семьдесят!

— Зачем нам ссориться? — угваривала спорщиков гусеница Шишковка. — Деревьев в лесу еще много, хватит на всех. А этот ствол поделим поровну и не забудем человека Васю. Но! — Шишковка сделала паузу, — кое-кто нам мешает жить. Вот об этих предателях делает доклад ученый жук Короед: «О наших внутренних врагах».

Участники слета похлопали ученому жуку Короеду. Он был в зеленоватого цвета панцире, это навредило на подозрение, что свои ученые степени Короед приобрел на работе, где надо маскироваться.

— Кхе, кхе... Это самое... Давай-те посмотрим вокруг себя: нет ли среди нас чужих?

Все закричали: «Нет, нет!»

— Кто там жужжит громче всех, что нет? Что-то я не видел тебя, когда мы храбро и добросовестно вредили дереву. Тащите чужих сюда! —

И Короед показал мохнатой лапой на малую мушку Лонхеиду и ее приятеля наездника Трихограмму. — Вы видите перед собой самых злостных своих врагов! Их личинки питаются — в такое злодейство трудно поверить! — питаются нашими личинками. Губят наше потомство. Но этого мало! Им помогает человек. Да-да, тот самый человек Вася. Он знает, что мушки любят цветочный нектар, и оставляет

в лесу на полянках некошеную траву с полевыми цветами. Вот они, коварные замыслы человека. Это похуже химии!

Крики других вредителей: «Ужасно! Ужасно!»

И вдруг как прыснули в разные стороны, кто под пень, кто под корягу!

Это они услышали:

ИДЕТ ПО ЛЕСУ ЛЕСНИК

На нем форменная одежда с белыми металлическими пуговицами, фуражка, за плечами ружье. На ногах сапоги.

Как пограничник на заставе знает каждый камень вдоль границы, так лесник помнит каждое дерево.

Идет по лесу лесник. Несет государственную службу по охране леса. Обходит свой участок леса, свой «обход». А по соседнему обходу идет другой лесник, а еще по соседнему — третий.

Что растет в лесу? Елки, сосны, дубы, клены, ясени, березы, ольха, наконец...

Но в нашем Лесу есть и другие деревья, подиковиннее.

Они все собрались в одном общем урочище. Так оно и называется —

УРОЧИЩЕ ДИКОВИН

ПАТРИАРХИ

Это дуб. Ему уже 2000 лет. Дуб этот живет в Литве. Его так и называют — Старик.

Младший брат Старика — Грюнвальдский дуб. Ему 800 лет, он растет в городе Лодушкине Калининградской области.

Три других дуба, которым по 900 лет, называют деревьями дружбы. Они живут в Польше и имеют такие имена: Лех, Чех, Рус.

ТРОПКА-СПРАВЧКА

Лесхоз — лесное хозяйство с десятками тысяч гектаров леса. В лесхозе несколько лесничеств, во главе каждого лесничества — лесничий, инженер-лесотехник. Лесничества же разделены на участки, за ними наблюдают техники-лесоводы или объездчики, а каждый участок поделен на более мелкие, именуемые обходами. В каждом обходе свой лесник.

Идет лесник по лесу. Вот потянуло дымком. С деревянной вышки — обход как на ладони, а где-то далеко, где деревья сливаются в голубоватой дымке, вьется еле заметный дымок.

Лесной пожар — большое бедствие. Огонь сжигает беспощадно сотни гектаров, опустошается земля, на гарях много лет не растут деревья.

Самый страшный лесной пожар — это когда горит торф. Огонь нельзя потушить. Он съедает незаметно для глаза тысячи километров торфа, опалает корни могучих вековых исполинов, сохнут деревья, гибнет лес.

Лесник бьет тревогу. Из лесхоза спешат на помощь лесу люди, техника.

А вот у сосны, что стоит у самого обрыва, вцепившись корнями в песчаный берег и как бы сдерживая его от осыпания, чуть пожелтела, забурела хвоя. Стоп! Лесник подходит к дереву, опускается на колени и настороженно, тщательно осматривает кору, которая приобрела уже матовый оттенок. Так и есть: у входных отверстий — бу-

ровая мука. Это шестизубчатый короед-стенограф. Снова тревога. Скорей к вышке, скорей звонить в Рошинский лесхоз.

Там к телефону подходит Александра Александровна Врублевская, инженер охраны и защиты леса (есть и такой специалист в лесхозе).

Сообщение принято. К месту происшествия выезжает скорая лесная помощь; участок, где стоит сосна, опрыскивается ядохимикатами, инсектицидами.

А сколько еще опасностей подстерегает лес!

ТРОПКА-СПРАВЧКА

Только у сосны с десятком различных вредителей: короеды, усачи, златки, смолевки, лубоеды. Причем каждый из этих насекомых дважды в год выводит новое поколение, а зимой прячутся вредители под кору, прокладывая ходы в дереве, отчего древесина, как говорят специалисты, теряет деловые качества!

Идет по лесу лесник. За плечом у него ружье. Разные встречи бывают в лесу. Со зверем, с браконьером. Порой это опасные встречи. От раненого затравленного зверя и пойманного на месте преступления браконьера можно ждать самого худшего.

Но стреляет ружье лесника редко: только после третьего окрика и выстрела в воздух может применить лесник свое оружие.

Любят рошинские лесники рассказывать, как подобрал железнодорожник Антон Липа маленького лосенка. Вырос лось Мишка

УРОЧИЩЕ ДИКОВИН

ГИНГКО

Гингко по-японски значит — серебряный абрикос. На земле еще не было человека, еще не было обезьяны, от которой произошел человек, но уже тогда, 100 миллионов лет назад, был гингко — серебряный абрикос. Единственное растение древней земли, которое как ни в чем не бывало живет сегодня.

КАРАТ

Так называются семена рожкового дерева — цератонии. Дерево это небольшое, похожее на акацию. Древние ювелиры заметили, что семена этого дерева — караты — на редкость одинаковы по весу. И стали употреблять их в качестве миниатюрных гирь, когда требовалось точно взвесить драгоценный камень алмаз. Отсюда и пошло обозначение алмазов. Алмаз в пять карат, алмаз в три карата. Это вес алмаза.

КАКАО

Его родина — Мексика. Древние ацтеки готовили из плодов (бобов) какао национальный напиток «чокоатль» — горькую воду. Шоколад — «чокоатль», похоже, не правда ли?

Кроме «чокоатля», бобы какао использовались в Мексике как денежные знаки. Там были даже свои фальшивомонетчики. Содержимое бобов извлекали и, наполнив оболочки землей, вновь пускали эти «деньги» в оборот.

ХЛЕБНОЕ ДЕРЕВО

Растет хлебное дерево на Зондских островах, в Океании. Оно похоже издавала на наши дуб или каштан. Плоды хлебного дерева продолговатые, золотистого цвета, похожие на дыню. Весят такие «дыни» килограммов пятнадцать. Пять-семь деревьев вполне обеспечивают пищу целую семью. Приготовление хлеба из плодов весьма просто. «Дыню» снимают с дерева, через несколько часов мякоть начинает бродить, как обыкновенное тесто на дрожжах. А дальше — дело хозяйки. Тесто готово в печь.

в домике у станции Тарасовская и так привык к людям, что, чуть слышит гудок, выходит к поезду.

Высыпают на платформу пассажиры, кормят лося печеньем, конфетами.

Два года жил Мишка у станции, а потом взрослого лося отправили в Сосновский заповедник.

Идет по лесу лесник. Видит, березки молоденькие, к свету тянутся, ветки раскинули, затевают молодые сосны, строевой лес. Береза с сосной не уживаются. Придется вырубить березки, осветлить лес.

ТРОПКА-СПРАВОЧКА

Первая рубка деревьев — «освежение», когда прореживается лес и вырубается деревца возрастом до 10 лет. Следующий вид порубки — «прочистка»: убираются слабые, кривые десяти-двадцатилетние деревья, затем снова прореживают лес, вырубая «жердяк», деревья до 40 лет. И, наконец, «проходные» рубки деревьев — возраста свыше 40 лет. Возраста спелости лес достигает к 120 годам.

Идет по лесу лесник. Входит в светлый расчищенный бор, клеймит вековые сосны. Зимой этот участок леса будет срублен («крупная» рубка), и древесина пойдет на стройки и на фабрики. Сделают из самой прямой сосны мачту для яхты, из другой — парту для тебя.

А пока каждое дерево взметнулось к небу. Ни бурелома, ни сухостоя. Смотрит лесник на лес и гордится. Когда сажают лес, 8000 саженцев умещаются на гектаре делянки, а теперь здесь осталось только 500. в 16 раз меньше, чем было посажено, но зато каких деревьев!

Два поколения людей сменяются, пока вырастет лес.

Идет по лесу лесник. Вот прошлогодняя гарь, а рядом вырубка. Не слышно птиц, голая выжженная земля, прогоревший на много метров вглубь торфяник.

Надо сообщить в лесхоз. Без помощи человека новый лес здесь не вырастет, почва заболотится.

И тогда едет в лес Лидия Борисовна Игнатьева, инженер лесных культур (и такой специалист есть в лесхозе).

Идет по лесу лесник. Он не одинок, ему помогают специалисты, рабочие лесхоза, школьники — ребята из «Зеленого патруля» Рощинской средней школы, ребята из школьных лесничеств Кирилловской и Ольшаниковской восьмилетних школ.

ТРОПКА-СПРАВОЧКА

Из ответа школьных лесничеств при Рощинском лесхозе: посажено за год 5,5 га леса, изготовлено 95 скворечников, заго-

СЕКВОЙЯ

Это одно из самых крупных в мире деревьев. Растет в Америке. Старейшие секвойи имеют имена. Например: Отец лесов, Лесная мать... А секвойя Генерал Шерман возвышается в Национальном парке у подножья Сьерра-Невады почти на сто метров, диаметр ее ствола 15 метров. Возраст — 3500 лет! Из одного такого дерева можно было бы построить целый дачный поселок — 30 домов.

ТЯЖЕЛЕЕ ВОДЫ

Самая тяжелая, самая твердая древесина у самшита. Плот из этого дерева сразу бы утонул в воде.

ЯДОВИТЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Анчар

Все мы слышали об анчаре. Но это дерево не так ядовито, как казалось Пушкину. И птицы щебечут в его листьях, и звери могут безнаказанно бегать мимо. Ядовит сок анчара. Действительно, соком анчара когда-то смазывали наконечники стрел.

Лаковое дерево и сумах

Гораздо страшнее два других дерева: лаковое дерево и сумах. В сухумском ботаническом саду лаковое дерево, словно хищник, посажено за решетку. Стоит только дотронуться до него — и на коже вскакивают волдыри как от ожога.

Марцинелла

А в тропической Америке растет марцинелла. Она поражает свои жертвы даже на расстоянии. Стоит постоять близ него, как тотчас наступает тяжелое отравление. Вот действительно «дерево смерти».

товлено 2040 шишек хвойных пород, на 14 га ухожены посадки, 3 га леса очищено от сухостоя и бурелома, 300 кустарников посажено, 252 дня патрулировали в лесу ребята, раздавая туристам и дачникам листочки, где сказано, как уберечь лес от пожара.

Вот какие помощники у лесника!

Идет по лесу лесник. Зовут его Наум Кузьмич Курдычко. Лесовод, большой специалист, кандидат наук, работник Линдуловского лесничества, того самого, где известная по всей стране заповедная лиственная роща.

ТРОПКА-СПРАВОЧКА

Роща была заложена в 1738 году по указанию Петра I вблизи тогдашней Кронштадтской верфи. При посадке рощи выписанный из Германии лесовод Фогель использовал семена лиственных, собранные под Архангельском. Сейчас роща занимает 360 га и растут здесь такие редкие для Ленинградской области деревья как сосна Муррея, сибирский кедр, ясень, карельская береза.

Идет по лесу лесник, отдавший лесу всю жизнь. А рядом с ним юный «лесничий» Толя Богданов. В душе Толя уже твердо решил поступать в Лисинский лесной техникум и знает, что Рощинский лесхоз даст ему рекомендации. Идут по лесу два человека, старый и юный. Связывает их обоих любовь к лесу.

Склоняются двое над маленькими елочками, высаженными ребятами из школьных лесничеств. Это плантация елок, она пока небольшая — 0,35 гектара, но ей расти.

Наум Кузьмич бережно расправляет неокрепшие веточки побега ели и неторопливо рассказывает своему собеседнику о том, что надо подкормить саженцы, как сберечь их, как ухаживать за елочками, чтобы через сотню лет в этом месте, так же как сейчас, над головой людей шумел лес.

В. Тузов

Кончается наша прогулка.

Лес — это большая польза. Это стол, за которым ты сидишь, тетрадка, в которой пишешь, это рама твоего окна и дверь твоего дома, а зачастую — и сам дом.

Лес — это тысячи разнообразных вещей и предметов, без которых наша с тобой жизнь немыслима.

Но, кроме того, лес — это всегда радость.

Это неожиданные встречи — с деловитым ли ежом, или с беспомощным птенцом, выпавшим из гнезда, с какой-то большой птицей, шумно оборвавшейся с ветки, с муравьями, бабочками, стрекозами.

Зеленый, бескрайний, величавый, необозримый — до свиданья, Лес! До скорой новой встречи!

Оформление Л. Московского

РЯДОМ И ЧУТЬ- ЧУТЬ ВПЕРЕДИ

Т. Камчатова

Прозвенел звонок. Пятый «б», торопливо застегивая портфели, уже готов был сорваться с мест. Но открылась дверь, и в класс вошла незнакомая темноволосая девушка. Пятый «б» с любопытством воззрился на нее.

Валентина Петровна, классный руководитель, представила вошедшую:

— Знакомьтесь, Галя Семенова, ваша новая вожатая.

...Прошло два с лишним года, а Галя помнит эту первую встречу с ребятами так, словно все было вчера. Помнит, как выбирала, что сказать. Может быть, сначала рассказать о себе? Была председателем Совета дружины. В своей школе, в Куйбышеве, Гале настолько нравилась работа с пионерами, что она решила — «буду вожатой».

Окончила десять классов и по комсомольской путевке пошла в школу пионервожатых. Проучилась почти год и вдруг за полтора месяца до конца учебного года бросила школу. Почему? Потому что разуверилась в своих силах, стала сомневаться, сможет ли быть вожатой.

Пошла работать на завод, чтобы проверить себя: если по-

тянет к пионерам, значит, все-таки, ее место в школе.

Конечно, в тот самый первый день Галя обо всем этом ребятам не сказала. Не рассказала, как уже в Ленинграде, где она стала работать на заводе «Большевик», вдруг увидела школу, что стоит рядом с заводом. Не раз, проходя мимо темно-красного старинного здания, она, замедляя шаг, читала на фасаде: «337 школа имени невских коммунаров». Так вот какая это школа!

Невская застава. Улицы Шелгунова, Бабушкина, проспект Обуховской обороны — уже от названий веет дыханием революции.

Но однажды Галя пришла в кабинет директора этой школы:

— Хочу работать у вас вожатой отряда.

Пятый «б», пятый «б». Ее пятый «б». Сорок мальчишек и девчонок... Все такие разные! Но тогда они одинаково выжидающе смотрели на свою вожатую. И она твердо сказала:

— Будем теперь все время вместе. Вместе учиться и работать.

Пятиклассники молчали. На мгновение Гале стало не по себе. Не верят? Но они уже загалдели:

— В поход пойдем?

— А в музей?

— В кино давно не были!

Какой ей достался отряд? Дружный? Пожалуй. Но девочки здесь сами по себе, мальчики — сами по себе.

Значит, предстоит подружить их. Как? Заинтересовать общим делом.

«Подсказали эту общую задачу сами ребята, — вспоминает Галя. — Однажды на собрании тогдашний председатель Совета отряда Миша Фадеев стал говорить с ребятами о марше «Всегда готов!». А я сижу и ничего толком об этом марше не знаю. Стыдно! Какой же я помощник ребятам? Заставила себя встать и предложить: «Будем друг у друга учиться. Вы — у меня, я — у вас. Если кто чего не знает, если кому совет нужен, спросим без стеснения. Идет?»

«Один за всех, все за одного» — это девиз правофланговых. Значит, во всем лучше всех, дружнее всех.

Вспоминаю свою встречу с одним правофланговым отрядом из другой школы. Поехала к этим ребятам, чтобы познакомиться с ними, перенять опыт пионерских дел.

И вот что выяснилось: все хорошо в отряде — отличная успеваемость, прекрасная дисциплина, высокие спортивные достижения. Одного нет — дружбы.

А разве так бывает, удивитесь вы. Правофланговые — и не дружные. Как же добились они такого высокого звания?

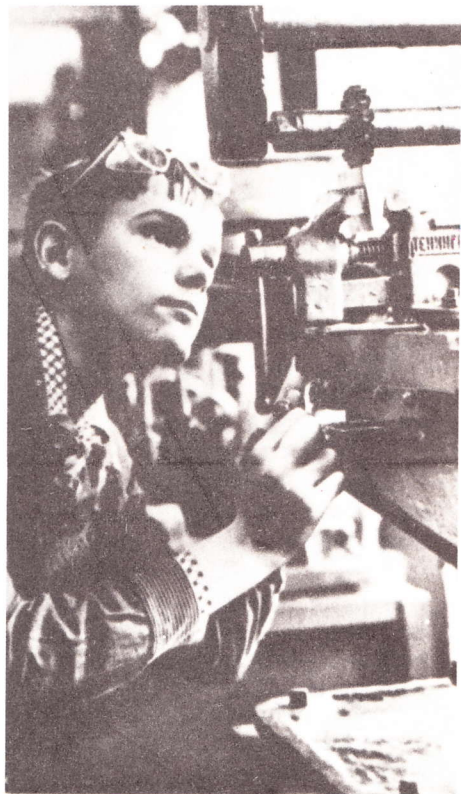
Вот как. В классе подобрались способные, хорошие ребята. Каждый в отдельности — способный и хороший. Все пио-

В классе — еще до прихода Гали — были выбраны ассистенты по русскому и математике. Хорошие ученики занимались со слабыми, отстающими. Только у пятиклассников так получалось, что девочки помогали девочкам, а мальчики — мальчикам. Это Галя сразу заметила. И предложила создать бригады и провести рейды по проверке домашних заданий.

В каждую бригаду входило семь-восемь человек. Тут были

варищей? Ничем, пожалуй. Средненький ученик. Никаких увлечений. Друзей вроде бы тоже никаких. Вовлечь его в рейды не удавалось. Случайно однажды он пошел со всеми. Потом ему что-то понравилось. Пошел еще раз. Потом еще. И вскоре все заметили: Саша лучше учится, тянется к ребятам, записался в спортивную секцию.

Рейды стали привычным пионерским делом. Теперь ребята

нерские поручения выполняли одни и те же ученики. Но большинство оставалось в стороне от начинаний. Если у активистов что-то не получалось, бежали к старшей вожатой, «дергали» классного руководителя.

А каким замечательным мог бы стать этот коллектив, если бы все были заодно, дружно работали на «марше».

...Галин класс сдружился быстро. И сдружил его маршрут «В страну знаний». Вот как это произошло.

и мальчики и девочки, и сильные ученики и слабые.

Ребят интересовало все: и выполнение домашних заданий, и как ведет себя одноклассник дома, и когда и как готовит уроки, и успевает ли помочь по дому, заботится ли он о младших?

Ребята все больше узнавали друг о друге, в давно знакомом товарище находили новое, привлекательное для себя.

Вот, например, Саша Романчик. Чем выделялся среди то-

сами следили, кто сколько раз попадал в бригаду. Чуть ли не ссорились, стараясь «без очереди» попасть в рейд. И почти каждый раз с ними ходила Галя.

Так прошел первый год. И в конце его отряду присвоили звание правофлангового.

Лучшей наградой для вожатой стало то, что ребята все чаще называли ее «наша Галя»...

И в настоящий поход — на три дня — отправились вме-

сте. И к финалу «Зарницы» помогла подготовиться Галя. Она привела в школу своего товарища по цеху Володю Смирнова. Он и тренировал ребят перед зарничными баталиями. Учил, как работать с картой и компасом, ориентироваться на местности, командовать отрядом. Галя и Володя раздобыли маскировочные халаты — финал проходил зимой. Через заводской комитет комсомола Володя заказал автобус, и ребят от-

ельный центр, каким хорошим специалистом надо быть, чтобы там работать с этими сложнейшими приборами.

Ребят заинтересовала работа электронных машин. Галя пообещала устроить экскурсию на «Большевик», где они все увидят своими глазами.

— А как работает их вожатая?

Тот же Володя сказал серьезно:

— Она просто молодец! Ра-

жизнью завода. Кажется, ей удастся это.

Некоторые ребята уже сейчас говорят о «Большевике»: «наш завод». И говорят так не только потому, что мамы и папы там работают. И не потому, что каждый год выпускники 337-й школы идут работать на «Большевик». Из рассказов Гали ребята узнали о ветеранах производства, о знатных рабочих. Многие уже запомнились им в лицо: портреты висят

везли на нем в Колпино, на место сбора.

Самыми яростными болельщиками на финале были Галя и Володя.

...Раньше ребята как-то не успевали поинтересоваться производственными делами своей вожатой. Знали только, что она работает в вычислительном центре завода, оператором на ЭВМ. А Володя им столько порассказал! Например, о том, что представляет собой современный вычисли-

тывает отлично, по-ударному. Вам стоит брать с нее пример. Она общительная, энергичная. На заводе ее за это уважают. Ей не безразличны дела всей комсомольской организации завода.

Может быть, именно тогда, после рассказа Володи, ребята почувствовали, как дорога им Галя. Трудно было представить себе, что же будет, если вдруг она уйдет от них!

...Галя старалась и старается научить ребят интересоваться

в школе на самом видном месте.

— Очень важно, чтобы у моих семиклассников появился неподдельный интерес к заводу, — считает Галя. — Интерес этот как бы первый шаг к заводской проходной в будущем.

Что еще им дала Галя?

— Меня она научила серьезно относиться к порученному, — говорит Нина Петрова, — я назначена редактором стенгазеты. Однажды надо было сделать спецвыпуск «Юность об-

личает империалистов». Заметки никак было не собрать. Оставалось все написать самой...

Тут и поддержала меня Галя: составила общий план выпуска, помогла распределить темы между одноклассниками. Газета получилась удачной.

— Я теперь умею держать свое слово. Спасибо Гале, — признается Надя Грачева. — Однажды у нашей вожатой был трудный день, задержалась на работе. Конечно, она могла бы не ходить с нами в рейд. Но ведь это было в самом начале наших походов: без Гали еще было не справиться. Да и накануне она обещала пойти. Обещала, значит, пойдет. И мы дождались Галю...

— Наша Галя веселая, часто шутит, — говорит Женя Фадеев. — И всегда помогает нам все придумывать. Словно подталкивает: «А как по-другому, как еще можно?»

Ну, а сама Галя? Что ей дает общение с ребятами? Что привлекает в работе вожатого?

— Мне с моими пионерами всегда интересно. Я не позволяю себе командовать ребятами. Вижу в них товарищей. Пусть младших. По-моему, иначе и нельзя...

С ребятами забываю, сколько мне лет — а уже двадцать четыре! Приятно чувствовать себя нужной им.

Как-то девочки спросили меня, в каком классе я снова хотела бы сейчас учиться. Я ответила, что, конечно, в третьем. В третьем принимают в пионеры. Этот день мне не забыть никогда!

Оформление
Ю. Бочкарева

АРАРАТСКИЙ „КОСТЕР“

Ю. Михайлов

Мариам Мурадян, моя собеседница, прыснула со смеху. Зачем она записалась в туристский клуб? Станный вопрос! Особенно для человека, проехавшего три тысячи километров от Ленинграда до Еревана. Должен же сам понимать толк в путешествиях!

Выручили меня ребята:

— Чтобы изучать историю, — убежденно сказал Рафик.

— Географию, — поправили его.

— Зоологию и ботанику, — добавили другие.

— Не только... — уточнил учитель. — Турист идет навстречу солнцу и радуге, дождю и ветру!

— Поет песни и собирает цветы! — подхватила Мариам.

Рафик, однако, стоял на своем:

— Песни, цветы — это есть дома. А вот когда намечали маршруты, все просились в Арташат, в Двин — древние столицы Армении. Они тут поблизости, в одном-двух переходах. У нас в Армении куда ни ступи — каждый камешек исторический. Споткнулся — подними и присмотрись: различишь то греческие буквы, то клинопись.

— Много интересного находят ребята, — подтвердил учитель. — Иногда такое даже, что ереванские музеи охотно принимают. Тут прямо на поверхности лежат наконечники копий, черепки огромных кувшинов-карасов, глиняные фигурки животных, бронзовые украшения. День покопаешься — на месяц работы археологическому институту.

— Уж не археологом ли ты, Рафик, собираешься стать?

— Нет, архитектором! Настоящий архитектор, — Рафик, без сомнения, имел в виду самого себя через несколько лет, — взглянет на старинную кладку, на обломки колонн и представит, какое тут здание стояло в древности.

— Подумаешь, развалины! — запальчиво перебил его. — Вот когда в Бюракан ходили... — Бюракан... Бюракан... — пронеслось словно эхо. Видно, впечатления об этом городе не из тех, что легко забываются. Там астрофизическая лаборатория Академии наук. И ребята принялись перечислять знаменитые бюраканские телескопы, электронные системы и интерференционные устройства для улавливания космического излучения.

— А я больше люблю смотреть на небо просто так, без призм и линз, — призналась одна девочка. — Когда мы в Зангезур ходили, бывало, протянешь руку и снимай с неба любую звезду!

Зангезур... Одно это слово уже вызвало общий восторг. Горный район на границе с Ираном, Зангезур — это покрытые вечными снегами вершины, это стремительные потоки, то исчезающие под землю, то низвергающиеся с подоблачных круч, это тянущиеся на десятки километров платановые рощи, это развалины крепостей, сооруженных сотни лет тому назад.

Да, ребятам есть что вспомнить, о чем рассказать. Но кто они, эти юные Ливингстоны и Пржевальские?

Самые обыкновенные туристы. Школьный клуб следопытов «Харуйк» — из поселка Веди Араратского района Армянской ССР.

Перед поездкой в Армению мне настоятельно советовали разыскать клуб «Костер» — по-армянски «Харуйк». Ведь этот клуб — победитель республиканского слета юных туристов.

...Слет был тринадцатым, но оказался удивительно счастливым для моих новых друзей.

Поначалу ребята из Веди как-то затерялись среди других команд. И форма у них была не такой яркой, и ростом они уступали своим соперникам. Победу прочили туристам из Артика и Октомберяна. Но начались состязания. Кто быстрее других мог разбить палатку, развести костер, переправиться через поток? Ребята из «Харуйка». Первенство по туристской технике они завоевали безоговорочно. Получили кубки, вымпелы, грамоты. А впереди их ждал новый конкурс...

Пока соревновались, аппетит нагуляли зверский. Но надо было терпеть еще 45 минут — целый урок!

На этот урок, а вернее, экзамен по кулинарии все команды выставили своих кашеваров. Им предстояло тут же на костре приготовить обед из четырех блюд. Меню для всех одинаковое: борщ, жареная картошка, плов и компот.

Аревик Айрапетян — повар «Харуйка» — предпочел бы угостить всех зеленым супом — чихиртмой, а на второе приготовить долму — голубцы в виноградных листьях. Но и сварить

настоящий борщ тоже надо уметь. И тут есть свои секреты: как накрошить овощи, что подсыпать, чем приправить, сколько и на каком огне выдерживать.

Из котелка потянуло таким ароматом, что вокруг Аревика вскоре стояла толпа, как на стадионе «Раздан», когда там играют футболисты «Арарата». Члены жюри, не сводя глаз с котелка, завели спор, кому первому снимать пробу.

Зашипела, зарумянилась на сковороде картошка, а шеф-повар «Харуйка» ловко сбрасывал золотистые кругляши в миску. Плов заправил изюмом-чамичем. Теперь даже кашевары других команд признали Аревика победителем.

Угощения хватило на всех! На пятое ребята ели «суджух» — колбаски из рахат-лукума, на шестое — «алани» — высушенные персики, начиненные сладкими орехами.

Так туристы из Веди, сами того не ожидая, стали хозяевами пира. А хозяевам полагается занимать и развлекать гостей.

Тут в дело пошли пустые миски. На них так хорошо выбивать затейливый ритм «кочари»! Если житель Армении — будь то малыш, едва научившийся ходить, или седобородый старец — услышит звуки «кочари», ему не усидеть. Став цепочкой и держась друг за друга, ребята лихо отплясывали этот веселый танец.

Потом возникла другая мелодия, плавная, как очертания далеких гор. Ох, как любит Мариам этот старинный танец «цахне-пукут»! И как осторожен и вкрадчив каждый ее шаг...

Языки пламени яростно рвались в темную высь, взметая над костром снопы искр.

— Как пламя костра, согревает мне душу любовь к возрожденной отчизне! — в исполнении юного чтеца из «Харуйка» услышали ребята стихи своего земляка-ведийца Паруйра Севака и других поэтов. — Не гасли веками костры на утесах и скалах, где храбрые воины мир и покой стерегли... Издревле костров яркий свет озаряет в дни празднеств счастливые лица сограждан...

...Основатель и президент «Харуйка» Вазген Нурайрович Казарян — учитель географии. Он организатор и участник всех походов ребят. В Армении, где любовь к родной земле и ее истории свойственна каждому, он поражает страстностью своего патриотизма.

Вернувшись в родные края после окончания Ереванского университета, Казарян увлек коллег-учителей и ребят идеей создания школьного клуба. За четыре года юные туристы из Веди исходили вдоль и поперек Арагатскую долину, побывали во всех крупных городах республики, многократно путешествовали по горным маршрутам. Около восьмисот учеников школы № 1 нынешней весной выполнили туристские нормативы комплекса ГТО.

Туризм может объединить всех ребят, чем бы они ни увлекались, считает Вазген Нурайрович.

Любишь литературу? Вспомни, что сказали о тех местах, куда направляешься, известные писатели и поэты. Наконец, сам опиши путешествие, да так, чтобы любому из сверстни-

ков захотелось пройти по твоим следам.

Хочешь быть агрономом? В походе присматривайся к полям и садам. Замечай, что растет вокруг, что за почва под твоими ногами, откуда берется вода.

Мечтаешь строить? Вся республика — гигантский склад стройматериалов: базальта, мрамора, гранита и знаменитого армянского туфа ста двадцати цветов и оттенков!

Да и просто хорошим человеком не станешь, пока своими глазами не увидишь, как сурова и прекрасна твоя страна, чем живут и как трудятся твои соотечественники.

В походе всем находится дело: кто снимает фильм, кто выпускает газету, кто ведет путевой дневник, кто лечит раны и ушибы.

Из отдаленных краев возвращается отряд с трофеями: образцами минералов, гербариями, собственноручно составленными картами пройденных маршрутов.

Для ребят, которых «по молодости лет» еще не берут в походы, в коридорах школы устанавливают фотостенды. Тут можно полюбоваться отвесными склонами ущелья. Турбиной высокогорной гидростанции. Строгим конусообразным куполом древнего храма. Водопадом, низвергающимся с неприступного утеса. Посмотришь на эти снимки и не успокоишься, пока (может быть, через несколько лет) не увидишь всего этого сам.

Поход — не увеселительная прогулка. Выпадали на долю туристов «Харуйка» серьезные испытания. В дальнем путешествии по северным районам республики пришлось ребятам по дороге к Агарцинскому монастырю преодолевать горный перевал. Шли они в майках и трусах. Как вдруг налетела снежная буря. Хорошо, успели спрятаться в сторожку лесника. Проснулись утром — не выйти: окна, двери завалены сугробами. Так и выбирались: по колено и по пояс в снегу... Тяжело давался и подъем к высочайшей вершине республики — четырехглавому Арагацу.

Впрочем, о чем разговор? Туристы не ищут легких путей!

Рисунки Ю. Шабанова

АРБУЗ

С. Коган

Ах, арбуз!
Он громко хрустнул,
Словно крякнул,
Удивленный.
До чего же
Был он вкусный,
Точно медом
Подслащенный.

Налетайте все,
Кто хочет,
Всех соседей
Позовите,
Будет каждому
Кусочек:
Тоне, Тане,
Мите, Вите.

Мише, Грише,
Мане, Миле,
Притазили
Куклу Машу,
При дележке
Не забыли
Даже Мурку,
Кошку нашу.

Поделили
Без ошибки:
Все считали,
Все старались.
В очень сладкие
Улыбки
Наши лица
Расплывались.

Было сладко,
Стало горько...
Молча бабушка

Алена

Собрала в свое
Ведерко
Горку корочек
Зеленых.
Посмотрела
И спросила:
— Что, ребятки,
Приуныли?..

Мы молчали:
Стыдно было —
Мы о бабушке
Забыли.

Рисунки Н. Флоренской

НОВЫЙ ДОМ

С. Коган

Пахнут свежей краскою
Полы,
Стены
Удивительно белы.
Как давно
Мечтали мы о том,
Чтобы переехать
В новый дом.

— Здравствуй,
Новый дом!
Ну, как живешь?
Ждешь ты нас к себе
Или не ждешь?

Старую обиду
И беду

Я сюда с собой
Не приведу.

Чтобы
В новом доме
Жить без ссор,
Ссоры
Надо вымести,
Как сор.

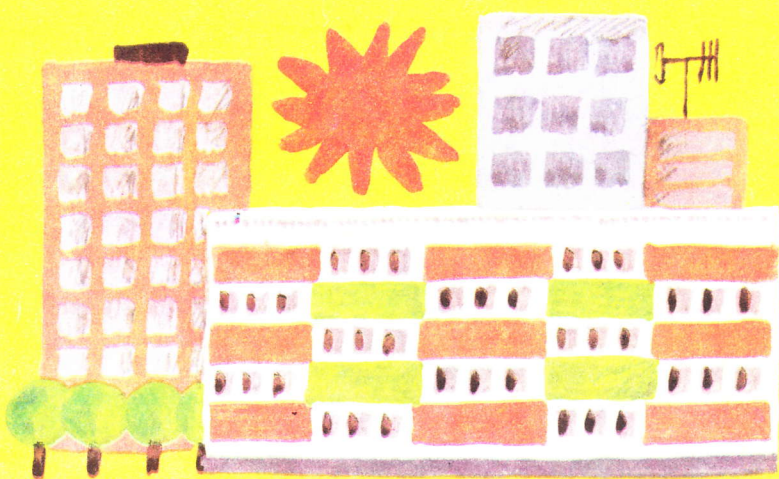
Ну, а радость
Мимо не пройдет:
Радость
Нашу дверь
Сама найдет.

Пусть же в новом доме
Там и тут
Люди дружно
Рядышком живут,
Потому что
Если не дружить,
Даже в новом доме
Плохо жить.

Каменщик

А. Коршунов

Золотые руки у артиста!
Дан ему судьбой талант на жизнь.
Под расшивку шов ложится чистый,
И стена прямая рвется ввысь.
Ну а он совсем не знаменитый,
Трудится и некогда вздохнуть!
И кирпич ложится, словно влитый,
Никаким громам не шелохнуть!
Молодой, веселый, загорелый,
Беспощадно острый на язык,
К своему обыденному делу
Сызмала он, кажется, привык.
Был его отец умелец знатный,
Да война взяла к себе бойца,
А потом не отдала обратно,
Только сын остался — весь в отца!

ОБ ОДНОМ ТОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИИ

К 60-летию Владимира Лифшица

десятилетию он приходит с более чем сорока книгами стихов и прозы.

Что в десятках театров страны идут его детские пьесы.

Что не один фильм снят по его сценариям.

Но «Баллада о черством куске» напоминает мне о суровых военных днях и одновременно о молодости моего поколения, к которому принадлежит и автор «Баллады». И я вижу этого автора в военной форме, отошавшим от блокадного недоедания, вижу таким, каким видел его своими глазами тридцать лет тому назад. Вижу поэта, который был рядовым сотрудником газеты 55-й армии Ленфронта «Боевая красноармейская».

Затем память перебрасывает меня в январь 1944 года, в дни боев за окончательное снятие блокады. Выполняя задание своей газеты «Знамя Победы», я пристроился на грузовик фронтовой газеты «На страже Родины» и 26 января вместе с сотрудниками этой газеты въехал в только что освобожденную Гатчину. Здесь, недалеко от горящего Гатчинского дворца, я встретил — совершенно неожиданно — Владимира Лифшица. Он прибыл сюда не от газеты, он недавно был назначен заместителем комбата по политчасти и

со своим стрелковым батальоном готовился идти дальше на запад. Мы пожали друг другу руки и расстались. Я вернулся в свою редакцию и написал очерк об освобожденной Гатчине, а Владимир Александрович продолжал свой путь. 15 февраля мне стало известно: он ранен и лежит в ленинградском госпитале недалеко от станции Ланская. 19 или 20 февраля (по моему дневнику) я навестил его. Мы вспоминали наши довоенные дни, молодое объединение ленинградских поэтов, которое сблизило нас. Вспоминали друзей, воюющих на других фронтах, вспоминали поэта-моряка Алешу Лебедева, погибшего в самом начале войны. А за стенами госпиталя жил, стремился в будущее наш родной Ленинград, с которого уже три недели тому назад была навеки и окончательно снята вражеская блокада.

...Все это напомнило одно только стихотворение, одна только «Баллада о черством куске» поэта Владимира Лифшица. За все, что сделал в поэзии и прозе, за все, что он еще сделает в будущем, — шлю ему свое дружеское спасибо и желаю ему счастливого творческого долголетия.

Вадим Шефнер

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВОМ КУСКЕ

В. Лифшиц

По безлюдным проспектам
оглушительно звонко
Громыхала —
на дьявольской смеси —
Леденистый брезент
прикрывал ее кузов —

Драгоценные тонны
замечательных
грузов.
Молчаливый водитель,
примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты,
хлеба вез он буханки.

Вез он сало и масло,
 И махорку он вез,
 Рядом с ним лейтенант
 Был он худ.
 И казалось ему,
 Что забрел грузовик
 Вдруг навстречу лучам —
 Дом из мрака шагнул,
 А сквозь эти лучи
 Снег летел, как мука, —
 — Стоп! — сказал лейтенант, —
 Я, — сказал лейтенант, —
 И шофер осадил
 И пронзительный ветер
 И взбежал лейтенант
 И вошел.
 Воробьиные ребрышки...
 Старичок семилетний
 — Как живешь, мальчуган?
 Отвечай без обмана!..

Гравюра
 Ю. Мезерницкого
 1943 г.

И достал лейтенант
 Хлеба черствый кусок
 И шагнул он туда,
 Там, поверх одеяла, —
 Там жену он увидел
 Там, боясь разрыдаться,
 И в глаза заглянул,
 Но не знал лейтенант
 Был мальчишка в отца —
 И когда замигал
 Маме в руку вложил он
 А когда лейтенант
 — Приезжай! — закричал ему
 И опять сквозь лучи
 Снег летел, как мука, —
 Грузовик отмахал уже
 Освещали ракеты
 Тот же самый кусок —
 Лейтенант
 Потому что жена
 И кусок этот снова
 Потому что была
 Потому что ждала,
 Грузовик по мостам
 И внимал лейтенант
 И ворчал,
 Потому что солдатом он был
 Свой паек из кармана.
 дал он сыну:
 — Пожуй-ка!..
 где дымилась буржуйка.
 распухшие руки.
 после долгой разлуки.
 взял за бедные плечи
 что мерцали, как свечи.
 семилетнего сына.
 настоящий мужчина!
 догоревший огарок,
 отцовский подарок.
 вновь садился в трехтонку,
 мальчик вдогонку
 снег летел, как сквозь сито...
 плавно, медленно, сыто...
 многие версты.
 неба черного купол.
 ненадкушенный,
 черствый —
 в том же самом кармане нащупал.
 не могла быть иною
 ему подложила,
 настоящей женою,
 потому что любила.
 проносился горбатым,
 орудийным раскатам,
 что глаза
 снегом застит слепящим,
 настоящим.

Лен. фронт
 1942 г.

В самом начале войны, в июле сорок первого года, мама отвезла меня в Шарью, маленький городок в Костромской области, где в железнодорожной больнице работал мой дед. Пробыв в Шарье всего пять дней, мама уехала обратно в Ленинград.

Теперь мы жили в дедовой квартире при больнице. Жили вчетвером: дед, тетя Нуся, мамина сестра, ее сын Колька и я. Больница была деревянная, двухэтажная, с большими широкими окнами и совершенно пустая — одни больные поправились и выписались, других перевели в маленький флигель, в котором раньше размещалась поликлиника. Дед говорил, что с первых дней, как началась война,

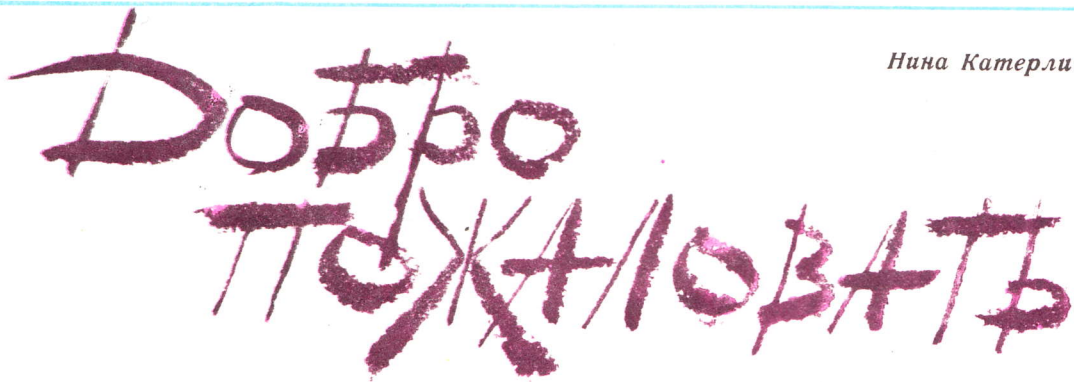
Пасьянс был трудный, дед перекладывал карты с места на место, злился, а потом мухлевал — и все получалось.

Я рисовала цветы и балерин в широких разноцветных юбках. Под листок бумаги я подкладывала шероховатый переплет какой-нибудь книги. Когда раскрасишь такой рисунок, он получается весь из цветных точек, очень красивый.

На Колькиных картинках были танки, и наша победа в виде красного флага на крыше безобразного кособокого дома с вывеской «Берлин».

Нам с Колькой очень не нравилась такая жизнь. «Все что-то делают для фронта, — го-

Нина Катерли

РАССКАЗ

Рисунки В. Бродского

люди стали почему-то меньше болеть и лечить скоро будет совсем некого.

Мы с Колькой не знали, чем заняться. Взрослым было не до нас. Целыми днями мы слонялись по пустому больничному саду или сидели на заборе и смотрели на поезда. Один за другим шли мимо нашего дома длинные товарные воинские эшелоны, а навстречу им — составы с эвакуированными или ранеными.

С первого августа нашу железнодорожную больницу переименовали в эвакогоспиталь, и теперь сестры и санитарки мыли полы в коридорах и палатах, вешали на окна новые марлевые занавески, расставляли принесенные из дому цветочные горшки с геранями и фикусами.

Дед — главный врач будущего госпиталя — уходил из дому рано утром и поздно возвращался, недовольный. Ему казалось, что всё делают не так: в перевязочной нагородили шкафов, коридор во втором этаже выкрасили в кирпичный цвет, и там стало темно...

Если дед был еще недоволен и нами с Колькой, то сердито говорил: «Странно вы живете, ребята». А когда настроение у деда было хорошее, он называл нас «хулиганишками» и приглашал к себе. Мы садились за большой зеленый письменный стол и рисовали, а дед раскладывал пасьянс. «Если сойдется, — говорил он, — в этом месяце начнется наступле-

ворил Колька, — а от нас никакого толку». На всякий случай мы решили научиться стрелять и ползать по-пластунски.

Надо было проползти от сарая мимо клумбы с георгинами до забора и пролезть под забором в узкую щель. Я ползла, всем телом прижимаясь к земле, обдирала колени, пачкала свое единственное платье, а Колька стоял на крыльце и — чуть что — свистел и заставлял повторять все сначала — он был начальником.

Из каких-то ржавых железных трубок он сделал пистолеты, которые стреляли мелкими камешками. «Убить фашиста из такого пистолета, конечно, нельзя, а глаз выбить вполне можно», — объяснил мне Колька. Пистолеты мы так и называли — «глазунами».

Раненых в госпиталь должны были привезти со дня на день. Все приготовления были закончены. Над воротами натянули длинное полотно со словами: «Привет доблестным защитникам нашей Родины!» Сестры и санитарки ходили оживленные, красиво причесанные, в белоснежных накрахмаленных халатах. Дед обошел оба этажа, осмотрел баню и кухню, расположенные в отдельных домиках во дворе, и остался наконец доволен. Мы с Колькой тоже готовились к встрече раненых и разработали для этого целый план, но пока держали его в тайне. «Главное — их развеселить, — ре-

шили мы, — а там уже они сами начнут поправляться».

В то утро тетя Нуся с дедом рано ушли на вокзал встречать санитарный поезд. Тетя Нуся, видно, приготовилась уговаривать нас остаться дома и была очень удивлена, что мы не просим взять нас с собой, а только таинственно переглядываемся и шепчемся.

Оставшись одни, мы сразу побежали в сад. Там, в углу за сараем, усыпанные переспевшими ягодами, склонялись к земле кусты малины. Это были дедовы кусты, он сам посадил их когда-то, сам ухаживал, выламывал сухие прутья, рыхлил землю. Нас он уже целую неделю посылал туда — «попасться», но мы не

трогали ягод. Мы берегли их к сегодняшнему дню.

Очень осторожно, стараясь, чтобы ни одна ягодка не упала, мы обламывали колкие ветки и связывали их в большие букеты. Когда от кустов остались только бурые палочки, торчащие из земли, я вдруг испугалась.

«А вдруг здесь больше никогда ничего не вырастет?» — спросила я у Кольки, но он меня успокоил, сказав, что сам видел, как стригут тополя, и что дед еще нам спасибо скажет. Голос у Кольки был не очень-то уверенный, я подумала, что он и сам боится. Но дело было сделано. Букеты мы перетащили к забору, а сами вернулись в дом.

Дома Колька налил воды в большую дедову кружку, я достала краски и кисточки, и мы принялись разрисовывать друг другу носы, щеки, шею. Потом подумали-подумали, разделись и, оставшись в одних трусах, раскрасили плечи и спины. На груди у Кольки красной краской я вывела слово «ДОБРО», а он у меня — «ПОЖАЛОВАТЬ» — писать по-печатному мы уже умели. Посмотревшись в зеркало, мы остались довольны и вышли на крыльцо. В саду было прохладно, солнце светило уже по-осеннему. Мы побежали к забору и вскарабкались на верхнюю перекладину.

А по улице, вдоль забора, уже шли красноармейцы. Я думала, что увижу шумную, веселую колонну бойцов, похожих на тех, что с пением и гармошками ехали мимо нас на фронт.

Это была не колонна. Молчаливая хмурая толпа растянулась вдоль улицы. Ехали подводы, на которых вплотную друг к другу непо-

го плеча, и перевязанная рука, толстая от бинтов, неподвижно висела на груди, как чужая.

Никто не обращал внимания на забор, где, забыв про свои разрисованные лица, испуганные и замерзшие, сидели мы с Колькой со своим «Добро» и «Пожаловать».

Улица опустела. Молча мы слезли с забора и, подобрав букеты с ягодами, вернулись домой. Колька сразу пошел к раковине и начал мыться. Он яростно тер лицо и шею жесткой щеткой для рук, и скоро стал совсем красным. Я тоже кое-как отмылась. Потом мы оделись и вышли на крыльцо.

Через двор в перепачканном халате и сбившейся белой косынке бежала санитарка тетя Поля. Лицо ее было заплаканным и некрасивым. Я обернулась, хотела позвать Кольку — стоя на цыпочках, он пытался заглянуть в щель почтового ящика. Я тоже потянулась было к ящику, но Колька меня оттолкнул. «Нету!» — сказал он грубо. Глаза его были красными, злыми. Я почувствовала, что у меня замерзли ноги, и вспомнила вдруг, что от мамы уже неделю нет писем.

Из раскрытых окон госпиталя слышны были резкие, громкие голоса, что-то передвигали. Тут я заметила на крыльце наши букеты с ягодами.

— Попадет нам от деда за малину, — тихо произнес Колька у меня за спиной.

— А куда мы теперь их денем? — я подняла колючие длинные ветки с уже начавшими вянуть листьями.

— Как это «куда денем»? — возмутился Колька. — В госпиталь отнесем!

С дедом мы столкнулись в госпитальном коридоре. Как всегда прихрамывая, он шел нам навстречу, заглядывая в открытые двери палат и что-то выговаривая старшей сестре Лизе. По коридору двигались санитарки с носилками, носилки стояли на полу вдоль стен. Дед заметил нас и остановился. Мы спрятали букеты за спины.

— Вы зачем здесь? — спросил он строгим голосом. — Кто разрешил? Это вам не театр! Мы повернули к двери.

— Стойте, стойте! Что это вы там прячете? — окликнул нас дед снова.

— Ну, всё... — мрачно прошептал Колька.

...Дед долго смотрел на ветки с крупными влажными ягодами, на нас, прижавшихся друг к другу плечами, и молчал. Потом вдруг обнял нас и подтолкнул к двери палаты.

— Идите. Отдайте свою малину.

Мы шли между койками, справа и слева к нам тянулись руки, кто-то погладил меня по волосам, кто-то что-то говорил и улыбался. И мы роздали всё до последней веточки.

движно лежали люди, укрытые шинелями. Следом, опираясь на костыли, на плечи санитарок, поддерживая друг друга, медленно двигались те, что могли идти сами. У многих рукава гимнастеров были распороты до само-

«ГИДРОГРАФ»

ПРИКАЗ № 9

1. Отрядам, участвующим в операции «Навигационный огонь», с окончанием навигации (после ледостава) принять меры к сохранению в зимний период знаков ограждения, продолжая наблюдение за ними до открытия навигации 1974 года.

2. Выслать в штаб зарисовки и фотографии приметных мест берегов рек, озер и морей, фотографии и зарисовки маяков и навигационных знаков, сделанные в летних походах.

Штаб экспедиции

ОПЕРАЦИЯ «НАВИГАЦИОННЫЙ ОГОНЬ»

В бухте Мелководная поправили створные знаки, покрасили их. Покрасили навигационный знак на острове недалеко от берега.

*Гребенищikov Коля,
Отряд «Красный Кавказ»
(МН-315), г. Находка*

Около наземных навигационных знаков расчистили площадку в диаметре 24-х метров. Капитаны идущих по Волге судов их теперь хорошо видят. Исправили поперечные рейки на знаках (обшивку знаков).

*Сидоров Саша,
Отряд «Парус» (АН-294)*

Поставили таблички на р. Словечанка, показывающие топкий берег и глубину реки.

*В. Олехнович,
Отряд «Стремительный»
(АН-215),
с. Бегуны Житомирской обл.*

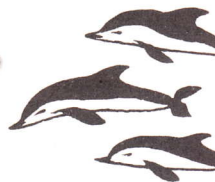

Отряд «Юнга-2» (МН-11), Алатырь, Чувашская АССР

ИНФОРМАЦИЯ ШТАБА ЭКСПЕДИЦИИ

Главкомандующий Военно-Морским Флотом СССР учредил эмблему гидрографических судов ВМФ СССР. На эмблеме помещено символическое изображение Мирового океана с объемными стрелками компаса.

Оформление А. Курушина

Экспедиция заканчивается, но дела в нашем отряде не прекратятся. За это лето мы научили плавать четырех человек, в следующее лето плавать научим всех в отряде. Этим летом ходили в поход на один день, теперь рассчитываем на недельный поход.

*С. Кудриков,
г. Новомосковск Тульской обл.*

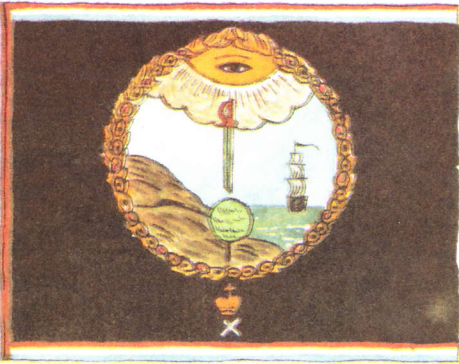
Наша метеостанция оборудована только самодельными приборами. Есть указатель силы и направления ветра. Самодельный термометр: сосуд с подкрашенным керосином и шкалой. Изменение влажности указывает обычная сосновая шишка: она перед дождем закрывается. К ее лепестку приклеена соломенная стрелка — указатель, и есть шкала. Сами сделали и второй гигрометр: к нитке привязали грузик и соломенную стрелку, их перекинули через блок (пуговицу). Влажный воздух удлиняет нитку, а стрелка показывает по шкале. Приборы не точные, но с их помощью мы определяем приближающееся изменение погоды.

*Сырых Таня,
Отряд «Спрут-6» (АГ-75),
колхоз «Искра», с. Лозовое
Воронежской обл.*

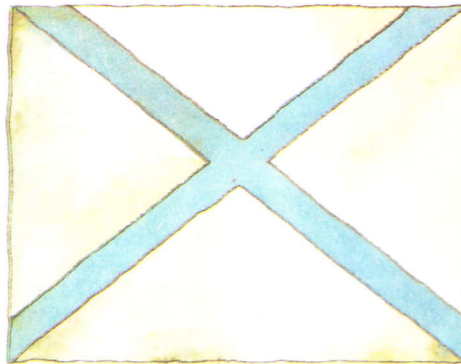
Два года мы переписываемся с экипажем судна «Океан». Это судно Дальневосточного научно-исследовательского института и занимается изучением физических свойств океанов и атмосферы. Капитан судна Ю. В. Мельников прислал нам несколько фотографий. А мы пишем экипажу о нашей учебе и о нашем морском клубе.

*Морской клуб «Золотой рог»,
пос. Мамакан,
Бодайбинского р-на
Иркутской обл.*

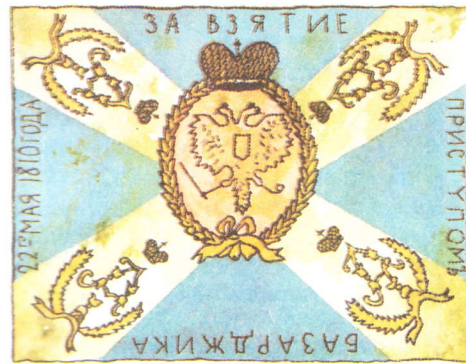

Ратное знамя лейб-гвардии Преображенского полка 1706 г.

Военно-морское знамя петровского времени

Знамя Фанагорийского полка 1806 г.

На знамя равняются. Его край целуют, присягая на верность. Его водружают над взятым городом. Оно гордо реет, овеянное славой и пороховым дымом. В старину о полководце, начавшем сражение, говорили: «Он двинул на врага свои знамена».

За сотни лет русское боевое знамя переменило много обликов, много названий: стяг, хоругвь, прапор, бунчук. Но всегда оно было символом страны, которую защищало войско, — Родины.

С древних времен знамя — знак существования самого войска. Есть знамя — есть и войско, какие бы потери оно ни понесло. Недаром петровский «Устав воинский» 1716 года гласит, что знамя «нужно оборонять даже до смерти». Эти слова полны глубокого уважения к знамени, перед которым склонились знамена шведов — первой по тому времени армии Европы.

«Тесним мы шведов рать за ратью, темнеет слава их знамен», — пишет Пушкин в поэме «Полтава».

Как же выглядели русские знамена петровской поры? Вот одно из них — знамя лейб-гвардии Преображенского полка. На нем — целая картина. Здесь и пушка, и меч, и сцена

ЗНАМЕНА ВОИНС

взятия крепости, и царская корона. На переднем плане — бог войны Марс с богом морей Нептуном, а вдали виден православный святой в лодке. Россия в это время становится европейской державой — вот русские эмблемы и соседствуют на знамени с западными. О том, что знамя принадлежит именно Преображенскому полку, напоминает его общий зеленый фон. Это цвет преображенцев. У них и мундиры были зеленые.

В 1805 году, во время войны с Наполеоном, знаменщик Азовского полка Старичков получил в бою несколько пулевых и штыковых ран. Теряя силы и опасаясь, как бы знамя не попало в руки врага, он снял его с древка и спрятав на груди. Скоро он был взят в плен. Умирая от ран, он подзвал к себе другого пленного, рядового Чайку, и заставил его поклясться, что тот сбережет знамя. Чайка сдержал клятву — сохранил знамя и, вернувшись на родину, передал его командованию.

На этом знамени и на знаменах героических русских полков 1812 года — примерно одинаковые эмблемы. Все полотнище занимал косой андреевский крест (святой Андрей Первозванный считался покровителем русского воинства). В центре знамени изображался государственный герб — двуглавый орел. У каждого полка был свой цвет знамени. На «жалованных» знаменах писали, за какие подвиги они были получены. Например, на штандарте лейб-гвардии Конного полка, украшенном орденой георгиевской лентой, начертано: «Завзятие при Аустерлице неприятельского знамени и за отличия при поражении и изгнании неприятеля из пределов России. 1812». Как видите, захват вражеского знамени — особая заслуга, отмеченная на полковом штандарте (так назывались знамена кавалерии).

Знамена первой мировой войны 1914 года, украшенные тяжеловесными вензелями Николая II и фигурами святых, были последними

Знамя времен
Гражданской войны

Почетное революционное Красное знамя,
учреждено в ноябре 1926 г.

Знамя учреждено
10 ноября 1941 г.

КОЙ ЧЕСТИ

*Р. Сот,
Н. Слепакова
Рисунки О. Зуева*

знаменами царской России, вышедшими на поля сражений. В октябре 1917 года алым цветом борьбы и свободы вспыхнули знамена революции. У них не было ни кистей, ни орденских лент, ни **панталеров** (перевязь, на которой носят знамя). Их шили из чего придется, например, из солдатских рубаш. Наспех, корявыми буквами на них выводили слова революционных лозунгов. Но это были первые знамена новой эры. И сейчас они хранятся в музеях как самая драгоценная реликвия.

Знамена Красной Армии, прошедшие с ней всю гражданскую войну, были разной величины, разных оттенков красного цвета. В то время некогда было заниматься формой знамени, созданием новых эмблем. Только в июле 1926 года ЦИК СНК СССР утвердил единый образец боевого знамени Красной Армии. На его лицевой стороне — герб СССР и слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Таким было знамя нашей армии до декабря 1942 года, — стало быть, оно вело советских солдат в самый первый, самый тяжелый год Великой Отечественной войны. 21 декабря 1942 года Президиум Верховного Совета СССР утвердил новые образцы боевых знамен. На них серп и молот и слова «За нашу Советскую Родину». С этими знаменами наша армия победоносно завершила войну.

В ночь на 1 мая 1945 года над берлинским рейхстагом взвилось красное знамя Победы. Это было простое, вовсе не парадное знамя. На нем — эмблема серпа и молота и наименование воинской части, которой оно принадлежало. Но знамя это — поистине историческое. Оно означало: конец фашизму, конец войне.

Современное знамя Советской Армии — такое же, как знамена-победители Великой Отечественной войны, — с серпом и молотом и словами «За нашу Советскую Родину». На гвардейских знаменах с лицевой стороны —

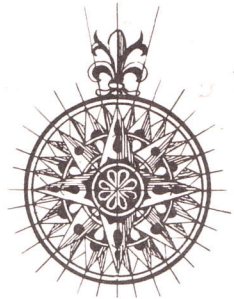
портрет В. И. Ленина. Согласно Уставу внутренней службы, утвержденному 23 августа 1960 года, знамя всегда находится со своей частью. На поле боя оно должно находиться в районе боевых действий части. При утрате знамени командир и виновники потери знамени подлежат суду, а часть расформировывается.

Разве эти слова не напоминают петровскую формулу «знамя нужно оборонять даже до смерти»? Такова сила боевых традиций, свято хранимых нашей армией. Вот выдержка из Устава внутренней службы Вооруженных Сил СССР:

«Знамя — символ воинской чести, доблести и славы, оно является напоминанием каждому солдату, сержанту, офицеру и генералу об их священном долге преданно служить Советской Родине».

...Вот мимо тебя торжественно проносят знамя твоей пионерской дружины. Ты отдаешь ему салют и с волнением провожаешь его глазами. Ведь оно в близком родстве с боевыми знаменами, осенявшими ратные подвиги героев прошлого. Салютуя ему, ты салютуешь его старшему брату — воинскому знамени, под которое, быть может, скоро ты вступишь.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

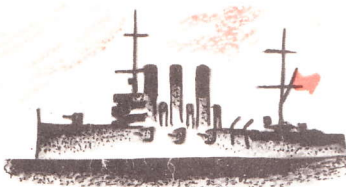
Оформление
Р. Попова

Год издания 17-й

ПЕРВЫЕ КОРАБЛИ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ

В октябре 1917 года, ночью, крейсер «Аврора» вошел в Неву. Его выстрел был сигналом к штурму Зимнего дворца. Вспыхнули прожектора на «Авроре», осветили набережную. Черные бушлаты, блестящие штыки, белые лица. И красные флаги. Такие же, как и флаг «Авроры», — красный флаг Революции...

В июне 1905 года на броненосце Черноморской эскадры «Князь По-

«Аврора»

темкин-Таврический» восставшие матросы подняли красный флаг. Такое случилось впервые на царском флоте, ведь армия и флот считались верными слугами царя...

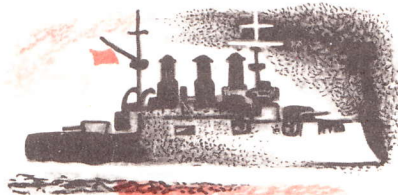
«Непобежденной территорией революции» назвал мятежный броненосец Владимир Ильич Ленин.

Вторым в истории кораблем, поднявшим красный флаг, был миноносец № 267. Борт о борт встал он ря-

дом с «Потемкиным», словно прикрывая его в бою...

А в ноябре 1905 года восстал крейсер «Очаков».

Командование революционным кораблем принял лейтенант Шмидт. Но силы были еще неравные. Крейсер подожгла крепостная артиллерия. Петра Петровича Шмидта и других руководителей восстания расстреляли на пустынном острове Березань...

«Потемкин»

«Очаков»

Шахматы Шмидта

Принес мне эти шахматы один очень старый человек. Узнал, что я давно уже собираю материалы о жизни Петра Петровича Шмидта, разыскал меня и пришел.

Расставил передо мною на доске фигурки дивной старинной работы.

— Вот, — говорит, — это шахматы лейтенанта Шмидта... Шмидт играл с моим отцом еще...

Стоят на доске слоны с башенками на спинах, конники с копьями, пешие воины и короли с восточными лицами. Тонкой работы шахматы! Время на слоновой кости положило желтые мазки и кое-где черные трещинки протянуло.

— Красивые шахматы, — говорю. — Как они к вам попали?

— Вот как, — говорит человек. — В Одессе Шмидт квартировал рядом с домом моего отца. Были они знакомы и порой сживались долго вече-

рами над шахматной доской. Шахматы у отца были плохонькие, дешевые. Однажды Шмидт, вернувшись из Японии, привез вот эти. И всегда только их с собой приносил, и в эти они играли. Да... Потом, вы знаете, наступил 1905 год. Петр Петрович Шмидт на крейсере «Очаков» поднял красное знамя... А шахматы, перед тем как в Севастополь к восставшим матросам уехать, моему отцу пода-

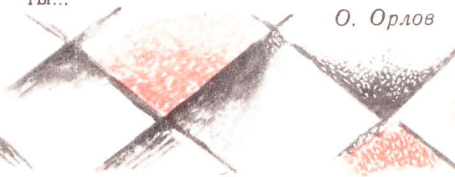
рил. На память... Отец мой очень берег их и мне передал. Теперь уж вот и я состарился...

Он ушел, а шахматы мне оставил. Но вот какое дело-то: кроме того, что он мне рассказал, — нигде, ни в каких документах не сказано, что это — шахматы Шмидта. По рассказу все верно выходит. И в Японии Шмидт бывал — служил он в те годы в торговом флоте, — и в шахматы любил играть, и человек был широкой души, мог купить дорогие шахматы, а потом подарить... Все это так. К тому же эти шахматы сейчас, наверное, больших денег стоят. Но вот человек не продал их, отдал, потому что — память... И все-таки сказать, что это точно шахматы Шмидта, не могу.

Но я вспоминаю рассказ того человека и верю, что да — это шахматы Шмидта... Что к этим вот фигуркам прикасались его пальцы, над этой вот доской думал он, склонив свою благородную голову.

Так и хранятся у меня эти шахматы...

О. Орлов

Как поднимали „Пургу“

Два месяца мы крепили понтоны к корпусу. Потом пустили в них сжатый воздух, и «Пурга» всплыла. Ее оттащили на мелкое место, перевернули на киль, снова подвели понтоны и отбуксировали в порт Кобона.

В 1943 году сторожевой корабль «Пурга» снова громил фашистов.

Бывшего главстаршину водолазов Владислава Андреевича Паслиона разыскал юнкор «Морской газеты» Саша Павлючук. Разные истории вспоминал водолаз. А Саша записывал их в свой блокнот. Одну из этих историй, случившуюся в годы Великой Отечественной войны, мы печатаем.

«Летом 1942 года на Ладоге затонул от взрыва фашистской авиабомбы сторожевой корабль «Пурга». Отряду водолазов, в котором я служил, приказали осмотреть «Пургу» и доложить, можно ли ее спасти.

Мы ушли под воду и на десятиметровой глубине увидели корабль, лежавший вверх дном. Осмотрели мы корабль и решили: поднять сторожевик можно.

Но как сделать это во время войны? Каждый день фашисты бомбили спасательные суда. Осколки пробивали поплавки-понтон, с помощью которых мы хотели поднять «Пургу». Понтон приходилось отводить к берегу и ремонтировать, и начинать все работы сначала.

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

СДАЛИ ЭКЗАМЕНЫ

В истории нашего клуба юных моряков «Алый парус» было важное со-

бытие: мы сдали экзамены по военно-морской подготовке на звание «Юный моряк ДОСААФ». Экзамены принимали морские офицеры. Мы все были в форме. Экзамены сдали все

юные моряки. И тогда нас поздравили с успешным окончанием курса военно-морской подготовки.

С пионерским приветом Сергей Шувалов, Комсомольск-на-Амуре

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

В Сахалинский порт Холмск прибыл железнодорожный паром-ледокол «Сахалин-1».

За время перехода курс судна лежал через Балтийское, Северное, Южно-Китайское, Восточно-Китайское и Японское моря, Атлантический, Индийский и Тихий океаны. Пройдено семнадцать тысяч миль. Теперь железнодорожные составы будут переправляться с материка на Сахалин в любое время года.

Сообщил юнкор Валерий Крысько,
Южно-Сахалинск

БЮРО ПАТЕНТОВ

Бюро патентов «Морской газеты» предлагает читателям подумать: какими будут морские суда в 2000 году? Проекты, чертежи и рисунки можно присылать до 1 марта 1974 года.

ЗАГАДОЧНАЯ ФОТОГРАФИЯ

«Что это такое?» — спросил удивленно капитан Быстроходов. А как вы думаете, юные моряки, что это такое? Ждем ваших писем. Лучший вариант подписи к загадочной фотографии мы напечатаем.

Оформление Т. Соловьевой

УТРО

Над широким лугом, за лесами,
На огромных, словно тундра, небесах
Завертелись, закачались, заплясали
Все созвездия на лунных на весах.

Новое небесное светило
Поднялось над краешком земли
И своим лучом позолотило
То, что звезды видеть не могли.

Оля Семченко, 7 кл.

НА УРОКЕ АЛГЕБРЫ

Я сижу на уроке
И решаю задачу,
Но я вижу березы,
Нашу старую дачу.

А на парте соседней
Вырастает рябина.
Журавли улетают
К югу правильным клином.

Наблюдаю за кленом
И люблюсь ольхой...
Оттого я, наверное,
Математик плохой.

Лариса Мягкова, 7 кл.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Это было в воскресенье.
Был у мамы день рождения.
Гости к маме приходили
И подарки ей дарили:
Кто чулки-капрон принес,
Кто букет бумажных роз,
Кто духи, а кто помаду,
Кто коробку мармеладу.
Мама очень суетилась,
Раз пятнадцать извинилась.
А за что и почему —
Неизвестно никому.

Вова Иванов, 5 кл.

ВЕСНА

Куда ни взгляни —
Только лужи кругом,
Закрыты сады для просушки.
Снежком не запустишь,
А нам нипочем —
Мы с солнцем играем в веснушки.

КУЗНЕЧИК

Скок да скок —
С травинки на травинку
Прыгает кузнечик,
Видно только спинку.
Я захотела его поймать,
Да пустую травинку — хвать!

Ира Старикова, 5 кл.

МНЕ ТРИНАДЦАТЬ

Мне тринадцать недавно исполнилось.
Говорят, я уже подросток;
Говорят, переходный возраст,
А пройти его так непросто.

То мечты, удивительно глупые,
То желания непонятные...
Иногда я хочу почему-то
Возвратиться в детство обратно.

Но попасть туда как, не знаю.
Впрочем, стоит ли, нужно ли это?
Если б все возвращались в детство,
Не вертелась бы наша планета.

Таня Аберман, 7 кл.

ПОДАРОК

Не сбываются наши желания.
Никогда не подарят тебе
То, что хочется до отчаянья,
Никогда не подарят тебе!

Говорю я папе и маме:
— Не хотите собаку дарить,
Подарите меня собаке —
Буду очень благодарить.

Таня Рыжкова, 7 кл.

Стихи участников
поэтического кружка
при редакции
пионерской газеты
«Ленинские искры»
(Ленинград)

ЧУДО-ВРАТАРЬ

Мяч летит быстрее и быстрее.
Все волнуются. Вдруг — ах!
Самый ловкий из вратарей
Замирает с мячом в зубах.

Мяч не будет в ворота забит,
Нам не страшен любой удар,
Пока на воротах стоит
Ас футбола, вратарь... Мухтар.

Наташа Яценко, 6 кл.

ЧИТАЯ КОРОЛЕНКО

В подземелье глухом и мокром,
Среди серых немых камней,
Белокурая, светлоокая,
Вспоминается девочка мне.

Как растение, к свету тянется,
Заблудившись в крошечной мгле...
А ведь сколько, быть может, радости
Ожидало ее на земле.

И бывало, она смеялась
Переливами тонкого смеха,
И от серых камней отзывалось
Ей глухое слабое эхо.

И нельзя о ней вспомнить без грусти,
Хоть прошло уж почти столетье...
Над печальной судьбой Маруси
До сих пор еще плачут дети.

Марина Щекотова, 6 кл.

По окрестным деревням

Владимир Бахтин

Рисунки К. Претро

Спировская начальная школа расположена в пятнадцати километрах от небольшой железнодорожной станции Ефимовская Ленинградской области. В этой школе — одна учительница и 10—12 ребят, учеников первого, второго, третьего классов. Школа-невеличка, но живет дружно, весело и интересно.

Здесь есть уголок истории, краеведческий музей. Каждый год по окончании занятий в школе ребята вместе с учительницей Екатериной Петровной Антоновой отправляются в поход по окрестным деревням за новыми экспонатами для музея. В пути записывают пословицы и поговорки, загадки и частушки, песни и сказки.

Однажды я получил от спировцев толстую тетрадь — там было больше тысячи частушек. Ребята прислали мне свои записи песен, сказок, поговорок.

Их записи были такие точные — они ничего не добавляли от себя, не подправляли! — такие интересные, что некоторые оказались возможным опубликовать, например, в ленинградском сборнике «День поэзии — 1972». Уверен, будет напечатана еще не одна запись спировских школьников и в детских журналах, и в научных книгах!

Некоторые ребята говорят: а зачем записывать песни и сказки — все уже давно записано.

Конечно, в настоящее время найти что-то новое, неизвестное науке почти не удастся, хотя и такие случаи возможны. Например, недавно мой знакомый — собиратель фольклора услышал от одного старика неизвестную песню Отечественной войны 1812 года.

Но и новые записи известных науке произведений фольклора тоже зачастую представляют

большой интерес для ученых. Во-первых, каждая такая запись — документальное подтверждение того, что старая песня или сказка жива, что ее помнит народ. Во-вторых, если, предположим, одна песня записана двадцать раз, а другая — три, то первая, следовательно, более любима народом. Науку интересует: какие песни популярны и что в них привлекает певцов?

Ученые составляют карты распространения того или иного сюжета. Скажем, схема распространения былин на территории страны выявила любопытную закономерность: былины записаны, в основном, на путях, по которым в старину ездили и расселялись новгородцы, — значит, они были очень распространены в древнем Новгороде.

Бывает, что какая-нибудь старинная песня дошла до нас в плохой, неверной записи. И если есть другие записи, они могут прояснить содержание и образы интересующего нас произведения.

Наконец, одно и то же произведение, попадая в различную социальную среду, меняется в зависимости от вкусов и представлений этой среды. Есть казачьи, есть солдатские варианты одной и той же песни, сказки, частушки, есть варианты, возникшие в рабочей среде.

Произведения народного творчества создавались и распространялись в устной форме, не закреплялись письменно. Каждый исполнитель мог внести в текст какие-то изменения.

Сколько раз приходилось мне слышать споры о том, как правильно поется та или иная частушка, песня. Но фольклор — не литература. И одно из основных его свойств, признаков, — наличие вариантов. Каждый вариант в фольклоре равноправен. Все тексты правильны.

Вот старинная свадебная песня. Ее спела 75-летняя бабуш-

ка Т. Галахина, а записала — и очень хорошо, точно записала — Надя Кривушенкова из Спировской школы.

Раньше девушку нередко вы- давали замуж насильно, за не- любимого, иногда даже за ма- лознакомого человека. Вам об этом рассказывали на уроках истории. Песня «При вечере было вечере» — свидетельство самого народа.

*При вечере было вечере,
При остатней поре-времечке
Как у Тани на девичнике,
У Михайловны на девичнике,
Прилетал туда ясен сокол.
Он садился на окошечко,
На серебряну решеточку.
Как никто-то сокола не видал,
И никто ясна не обозревал.
Как увидела, обозрела
Уж как Танюшкина матушка.
— Ты мое ли любимо дитяtko,
Приголубь-ка ясна сокола,
Ясна сокола залетного,
Добра молодца заезжего.
— Уж моя ты, родима*

матушка,

*Я рада приголубить сокола
Что Василья да Николаевича,
Да голова моя не кланяется
И язык мой не ворочается.*

Какое глубокое горе источает каждая строчка этой прекрасной песни! Какая она стройная, эта песня, как выразительна ее концовка!

Песня, записанная Надей, очень старая, ее пели на Руси не одну сотню лет. Нисколько не преувеличиваю. Вот передо мной редкая книжка «Песни русского народа» И. П. Сахарова, часть третья, изданная в 1839 году, то есть 134 года назад. Там, на 196-й странице, я нашел похожую песню:

*При последнем было вечере,
У Настасьи на девичнике,
У Андреевны на девичнике,
Прилетал к ней ясен сокол.
Он садился на окошечко,
На дубовую причелинку,
На серебряну перекладинку.
Как увидела матушка
Из высокого терема,
Из косящатого окошечка,*

*Закричала громким голосом:
— Ты дитя ль мое, дитяtko,
Дитя Настасья Андреевна!
Ты приай * ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего,
Карпа Трифоньича.
— Родимая матушка!
Мое сердце не оборотится,
Уста кровью запекаются,
Сердце кровью обливается
Мне приять ясного сокола,
Приголубить доброго молодца!*

Видите, та же самая песня. Но немножко и другая, конец иной. Мы можем сравнить эти два варианта одной свадебной песни. Что исчезло из сахаровского сборника, какие детали? «Высокий терем», «косящатое окно» (сделанное из дощатых косяков большое окно, в отличие от волокового — маленького, задвижного оконца). И терема, и волоковые и косящатые окна существовали давно, еще в Киевской Руси. В позднейшие времена все это уже стало непонятно. Вот почему эти детали и выпали из современного варианта песни.

Нередко старый образ, старое слово заменяются другими, новыми образами и словами. До революции деревенская девушка пела о парне: «Без лучины, без огня зажег сердечко у меня». А в последние годы эту частушечную строчку поют так: «Без бензина, без огня зажег сердечко у меня». Всего одно слово заменено. Но сколько смысла в этой замене! Иногда варианты так расходятся, что их можно принять даже за разные произведения.

* то есть прими, принимай

Третьеклассница Лара Коскова записала очень хорошую деревенскую побывальщину от Анастасии Васильевны Ворониной, 91 года.

Жил старик со старухой. Заболели они, сидят на печке и разговаривают. Старуха говорит:

— Пойдем, старик, в лес, нарубим немного дров.

— Что ты, бабка, до зимы мы умрем.

Прошло лето, наступила зима. Старик со старухой на печке сидят, а старуха ругается:

— Вот, старый, не заготовил дров, печка-то холодная.

Поругалась старуха, и пошли они в лес да и принесли две большущие охапки хвороста.

Очень интересная и умная сказочка! Человек никогда не должен падать духом, сдаваться. Он должен думать о жизни. Наверное, и у самой Анастасии Васильевны за девяносто лет ее жизни было немало всяких бед и горестей, и, наверно, мысль этой сказки близка ей.

Несколько лет назад, тоже в Ленинградской области, я записал почти такую же притчу от 69-летнего М. В. Зудина.

**ПОЧЕМУ ЛЮДИ НЕ ЗНАЮТ,
КОГДА УМРУТ**

Раньше люди знали, в какой день умрут, а теперь нет...

Один старик изгородь горюдил. Раз кол всади, два всади — кое-как все делает. Ограда ветхая получается.

Шел мимо прохожий.

— Бог помощь! Ты что изгородь такую ветхую делаешь?

— А мне три дня жить осталось — так зачем крепче? Мне хватит.

— Ты делай для людей, пусть другие пользуются.

Тот не послушался.

Три дня прошло. Он год, два живет, старик этот, не умирает. Пришлось ограду хорошую поставить, надолго.

А тот прохожий — это бог был — он и решил так сделать, чтобы люди не знали про свою смерть. Тогда они не только себе пользу приносят будут.

С тех пор мы и не знаем, когда умрем.

Бог тут, конечно, ни при чем, речь о людях. Главная мысль этой сказки уже другая: нельзя жить только для себя, нужно и о других людях заботиться.

Аня Веричева из Спинова записала поговорку, которая могла бы стать эпиграфом к сказке М. Зудина:

Работай боле, тебя и помнить будут доле.

А совсем недавно я ездил за сказками в Лодейное Поле. И там от 60-летнего машиниста городской водопроводной станции Петра Константиновича Тимофеева услышал третий вариант этой сказки.

Жили мать и дочь. Мать дочке и говорит:

— Доченька! А чего нам работать сейчас. Ты замуж выйдешь, а я помру.

Лето прошло — они ничего не работали. А зима-то пришла, есть-то надо. Они ничего не на-

пахали, не намахали. Дров ни полена. Мороз пришел. Мать-то на печку забралась — думает, хоть холодная, а все теплее. А дочка — и вовсе на холоду.

Как в угол треснет мороз! Мать-то с печки соскочила:

— Доченька! Не молотить ли зовут?

А здесь высмеивается человеческая лень, легкомыслие. Вы, конечно, помните басню Крылова «Стрекоза и Муравей». Не об этом ли и крыловская басня? Крылов, как и многие другие наши писатели, опираясь в своем творчестве на фольклор, на вековую народную мудрость. Без народного искусства, без живой народной речи захирела бы литература, засохла.

Все это я рассказал вам, ребята, для того, чтобы вы по-

няли важность и необходимость собирательской фольклористической работы. Записав народные песни, сказки, поговорки, ребята Спировской школы принесли несомненную пользу фольклористике — науке о народном творчестве. Чем больше записей, чем больше собрано вариантов, тем полнее раскрывается картина жизни народа, его взглядов и стремлений.

— Что ж, глядите, нам не жалко!..
— Но ведь снег же!..
— Но ведь лед!..
— Вот закалка, так закалка! —
Восхищается народ.
— Их попробуй удержи!..
— Да, ни дать ни взять — моржи!..

— Может быть, нырнете с нами?
— Нет уж, вы купайтесь сами!..

И плывут себе упрямо,
Друг за другом среди льдин:
Папа — морж,
Моржиха — мама
И моржата — дочь и сын.

Владимир Лифшиц
Рисунки Г. Ясинского

НА ОКНЕ И ЗА ОКНОМ

Стоял цветок изнеженный,
Стоял на подоконнике
На улицу глядел.

На улице заснеженной
Дубок на ножке тоненькой
Стоял, от снега бел.

Сказал цветок простуженный,
Цветок на подоконнике:
— Как можно там стоять!..

А вьюгами завьюженный
Дубок на ножке тоненькой
Позвал: „Иди гулять!“

Александр Шибанов
Рисунок Г. Ясинского

Весь город собрался возле нового моста.
Все стояли и смотрели на другой берег.
А на другом конце моста стоял дьявол,
ожидая первого, кто перейдет через мост.
Но никто не решался, потому что все бо-
ялись дьявола.

Вдруг раздался звук горна, призывающий
к порядку, и появился мэр мосье Альфред

Берне в своей огромной багряно-красной
мантии с тяжелой золотой цепью на шее.
В одной руке у него было ведро с водой,
а в другой руке он держал кота.

ИКС И ПЕРВОКЛАССНИЦА

— Ты кто? —
Спросила Первоклассница,
А Икс в ответ
Как будто дразнится:
— Сама решай-ка,
Дорогая моя!
Я — Неизвестное
Слагаемое!

Владимир Лифшиц
Рисунок Т. Капустиной

Увидев мэра, дьявол перестал приплясывать на другом конце моста и достал свою длинную подозрную трубу.
Когда мэр подошел к самому мосту, мужчины затаили дыхание, а женщины придерживали языки.
Мэр опустил kota на мост и быстро плеснул на него воды из ведра. Кот, оказавшийся между дьяволом и ведром с водой, быстро сделал выбор и бросился через мост прямо в лапы к дьяволу.
— Вуаля та кот! Вот твоя доля! — крикнул мэр дьяволу.
— Вуаля та кот! — подхватили горожане. — Вуаля та кот!
Дьявол не был силен во французском языке, кроме того, он был зол как дьявол.
— Сами вы коты, — крикнул он через мост, — вы не джентльмены, а коты!
Потом он обратился к коту:
— Не бойся меня, киса! Ты дрожишь от холода, бедная киса! Отправимся туда, где нам обоим будет тепло!
И дьявол исчез вместе с котом.
А жителей этого города с тех пор стали называть „котами из Боганси“.
Мост стоит до сих пор, и дети бегают, прыгают и играют на нем.

Перевел с английского М. Еремич

МОРЖИ

Возле проруби скамейка.
Льдинки плавают, шурша...
Раздевается семейка
На скамейке не спеша.

И — бултых в ту прорубь прямо,
Страхи все отбросив прочь, —
Папа — морж,
Моржиха — мама
И моржата — сын и дочь.

Люди в шубах,
В рукавицах
Возле проруби стоят.
Люди в валенках,
В ушанках
На купальщиков глядят.

КОТЫ ИЗ БОГАНСИ

Джеймс Джойс

В давние времена моста через Луару еще не было. Жители Боганси не умели сами строить мосты и никак не могли найти никого, кто построил бы мост за умеренную плату. Поэтому на другой берег им приходилось переправляться в лодках. А что было делать?

Дьявол, который всегда читает газеты, узнал об их печальном положении. Он принялся и отправился к мэру Боганси мосье Альфреду Берне.

Дьявол сказал мэру, что он явился по объявлению в газете и предложил построить мост, чтобы жители Боганси могли отправляться на другой берег так часто, как только пожелают. Дьявол пообещал, что это будет самый лучший мост из всех когда-либо построенных и сказал, что возведен он будет за одну-единственную ночь. Мэр спросил дьявола, сколько денег он потребует за такой мост.

— Никаких денег, — сказал дьявол, — все, что я прошу, — это, чтобы тот, кто первым пройдет по новому мосту, принадлежал мне.

— Хорошо, — сказал мэр.

Ночью жители Боганси спокойно спали. А когда утром они выглянули из окон, то все разом закричали: „О Луара! Какой прекрасный мост!“ Да, они увидели прекрасный каменный мост, переброшенный через широкую реку.

Рисунки
Г. Ясинского

ТЫ ВСТУПИЛ В АРЧЕБЕК?

Если ты еще не арчебековец, то сейчас можешь исправить ошибку: в славную Армию Рыцарей Черно-Белых Клеток объявлен новый набор.

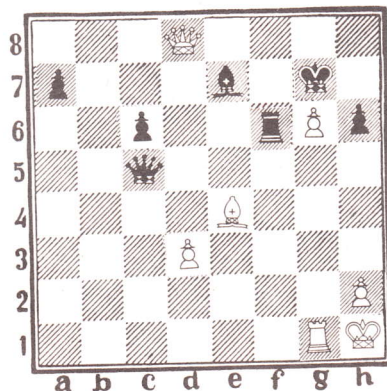
Кого же примет под свои знамена знаменитый шахмат-адмирал Ферзьбери?

Всех уже умеющих играть в шахматы (шашки) и всех еще не умеющих играть в шахматы (шашки), но желающих научиться. Возраст не ограничен!

Срочно напиши на имя Ферзьбери просьбу о приеме, и тебя зачислят рыцарем, а если ты новичок — рыцаренком. И не жди специального ответа. Ты будешь принят!

НА ПОЛИГОНЕ

Сегодня проводятся очередные стрельбы из быстромата — главного оружия наших доблестных рыцарей.

Условия перед вами на диаграмме. Как видите, полное равенство в числе белых и черных фигур.

Стрелять вы можете стоя, сидя или лежа. Цель, как всегда, черный король, которому вы должны дать мат. А вот во сколько ходов — это уже

зависит от вас, от вашего умения владеть быстроматом, от вашей натренированности. В задании говорится — дать мат как можно быстрее. А теперь, рыцари, на линию огня!

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь фигуры.

Белые: Крd6, Фg2, Cf5; черные: Кrb8.

Как видишь, черный король уже загнан в угол, дни его сочтены. Тебе в этом сражении придется нанести ему завершающий удар: дать мат в два хода. Ты справишься с таким заданием?

КОМИТЕТ „ВОПРОС-ОТВЕТ!“

«Я всегда решаю шашечные задачи в АРЧЕБЕКЕ, но решения не посылаю, потому что не умею записывать ходы. Как это делается?» — спрашивает Алеша Лозинский.

Чтобы записать ход, указывают поле, на котором шашка стояла, и поле, на которое она пошла. Например, ход шашкой с поля c5 на d6 запишется c5—d6 (или сокращенно cd6). Ход дамкой с поля d2 на поле a5 запишется d2—a5 (или da5). А при взятии шашек противника вместо тире ставится двоеточие: пусть шашка с поля f2 бьет на поле d8 (взяв три шашки) — пишут f2:d8 (или f:d8). Вот и вся премудрость!

УГОЛОК ЗАЯДЛЫХ СПОРЩИКОВ

Спорщики уже были в сборе, когда пришло письмо из Москвы от известного шашечного композитора Ю. Черняева.

«Хочу предложить рыцарям АРЧЕБЕКА три позиции», — прочитали в письме. Вот эти позиции:

А. Белые: a1, e5, f6, g5, h2; черные: b4, b6, c3, c5, f2.

Б. Белые: a5, b4, c3, d4, f2, h4; черные: a7, c7, e3, e5, e7, f6.

В. Белые: b4, e3, e5, f4, h4; черные: a3, c5, c7, d6, e7, f8.

Дальше указывалось, что везде ход белых. Но кто выигрывает? И каким образом? Об этом композитор написать забыл.

Мигом вспыхнул яростный спор... «Оба в дамки пройдут!» — «У черных лишняя шашка!» — «Положение равное!» — «Белые, наверно, могут комбинацию провести!»

В общем, кричали разное, но убедительных доказательств никто не привел. Кто же, рыцари, сумеет разрешить этот спор?

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Заходите, рыцари! Присаживайтесь!

Отличными блюдами угостят вас на этот раз дежурные по кухне арчебековцы.

На первое — изготовленный Сережей Орловым (Назарово) рассольник из шести белых фигур и черного короля, которому надо дать мат в два хода — белые: Кра8, Фg6, Сb5, Ке5, пп. a4, d4; черные: Краб.

На второе — жаркое, изобретенное Иваном Руснаком (Тересва). Белые: Краб, Кb3, пп. b7, c6, d5; черные: Кrb8, пп. c7, d6, e5. Мат в 4 хода.

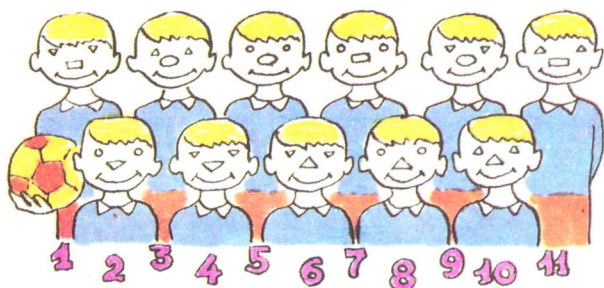
На третье — мороженое, от которого при поисках мата в два хода кое-кого, правда, бросит в жар. Это блюдо изготовил Юрий Селявкин (Воронеж) — белые: Кре3, Фg3, Лb7, Лс6, Ch8; черные: Кра2, Сb3.

Напишите, рыцари, свой отзыв о сегодняшнем меню!

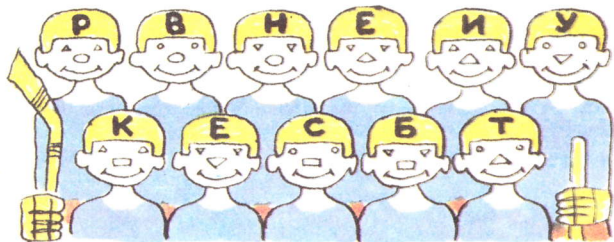
БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 9. Для рыцарят: 1. Крд6! и черные либо теряют ладью, либо получают мат. Чудеса в решете: после перестановки шашек комбинация На Ду Валкина привела бы белых к поражению, так как после их удара 8. h:b8 черные играют 8... ed6! 9. b:h8 hg5! 10. h:f6 fg7X.

Одиннадцать футболистов, успешно закончив сезон, надели шлемы, взяли клюшки и образовали хоккейную команду (2 пятерки и вратарь). Кто из хоккеистов (с буквами на шлемах) под каким номером выступал на зеленом поле? Если вы правильно угадали, то, написав буквы под номерами от 1 до 11, вы узнаете название спортивного общества, за которое выступают спортсмены.

По горизонтали:

7. Город в Уганде. 9. Город в Польше. 10. Союзная республика СССР. 12. Государство в Африке. 13. Город в Эфиопии. 14. Вулкан в Коста-Рике. 17. Город в Приморском крае. 19. Крепость-герой. 21. Областной центр РСФСР. 23. Нагорье в Средней Азии. 24. Нагорье в Центральной Азии. 25. Залив в Мраморном море. 26. Город в Марокко. 30. Река в Закавказье. 31. Название притока Кокшала в Киргизии и реки на Кавказе. 32. Государство в Европе. 33. Река в Хабаровском крае. 34. Государство в Африке. 37. Море Тихого океана. 40. Город в Чечено-Ингушской АССР. 41. Город в Японии. 43. Озеро в Финляндии.

По вертикали:

1. Один из Филиппинских островов. 2. Город в ФРГ. 3. Часть света. 4. Приток Ориноко в Венесуэле. 5. Река в СССР. 6. Полуостров в Северной Америке. 8. Острова, часть островов Мадейра. 11. Всесоюзный пионерлагерь. 15. Государство в Южной Америке. 16. Государство в Африке. 18. Название трех островов у берегов Японии. 19. Город во Франции, одноименный с советской крепостью-героем. 20. Река на Северном Кавказе, одноименная с притоком Кокшала. 22. Город у Большого Соленого озера в США. 27. Государство в Азии. 28. Приток р. Гаронна во Франции. 29. Горы в Северной Америке. 35. Город в Югославии. 36. Залив у берегов о. Хоккайдо. 38. Приток Сыр-Дарьи. 39. Город в дельте Нила. 42. Вулкан в Чили.

Ответы на задания № 10

1. Демьяша съел 7 тарелок каши, Сиволапыч — 5, Гном — 3, Хуссейн — 2.

2. Кроссворд. По горизонтали: 4. «Богатыри». 7. «Тачанка». 9. Анималист. 12. Натура. 13. Натюрморт. 14.

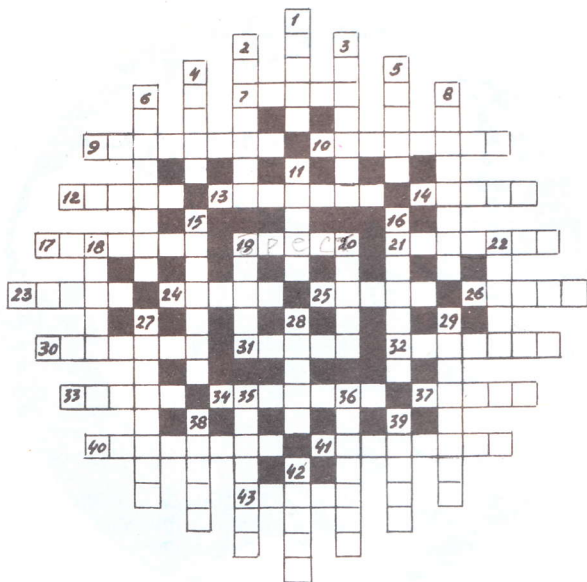
Оформление
В. Уфлянда

В нашем звене 3 троечника, 4 четверочника и 3 пятерочника. Пятерочники никогда не болтают на уроках. Четверочники друг с другом не болтают, но если оказываются на парте рядом с троечниками, которые всегда болтают друг с другом, то могут тоже отвлечься от урока. Помогите нам рассадить в колонке болтунов как можно дальше друг от друга так, чтобы они не могли мешать на уроке.

КРОССВОРД «ПОВОРАЧИВАЯ ГЛОБУС»

Составил Константин Сердюков из г. Запорожье

Машков. 16. Перов. 17. Лоррен. 19. Колорит. 20. Крон. 21. Идея.

По вертикали: 1. Диорама. 2. Краски. 3. Орнамент. 5. «Радуга». 6. Палитра. 8. Антропов. 10. Суриков. 11. Ярошенко. 13. Набросок. 14. «Март». 15. Репин. 18. Колер.

СОДЕРЖАНИЕ

Скульптор приходит в революцию	1
В Москву!	
рассказ Ю. Принцева	
рисунки В. Орлова . .	3
Что посеешь	
повесть В. Фролова	
рисунки И. Харкевича .	7
Уж ты лес, ты мой лес!	
Оформление	
Л. Московского	26
Рядом и чуть-чуть впереди	
очерк Т. Камчатовой	
оформление	
Ю. Бочкарева	39
Арабатский костер	
репортаж	
Ю. Михайлова	
рисунки Ю. Шабанова	42
Стихи С. Когана и	
А. Коршунова	
рисунки Н. Флоренской	45
Об одном только	
стихотворении	
Вадим Шефнер	46
Добро пожаловать	
рассказ Н. Катерли	
рисунки В. Бродского .	48
Экспедиция „Гидрограф“ .	51
Знамена воинской чести . .	52
Морская газета	54
Стихи твоих ровесников . .	56
По окрестным деревням	
беседа В. Бахтина	
Рисунки К. Претро . . .	58
Уголёк	
журнал для малышей	61
Арчебек	
шахматы и шашки . . .	63
За семью печатями	64

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев,
Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погдин,
В. Е. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Тере-
бинская (отв. секретарь), В. В. Торопы-
гин, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова,
Ю. А. Юркан (зам. гл. редактора)

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломлинский В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-12239 Сдано в набор 7/VIII 1973 г.

Подписано к печати 4/X 1973 г.

Формат 60×90%. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 1210. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном ко-
митете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
197101, Кронверкская ул., 7.

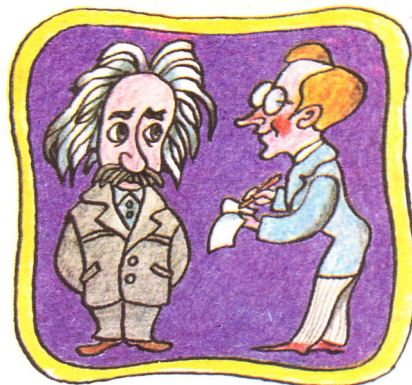

ЭТО БЫВАЕТ ТАК РЕДКО

Однажды Альберта Эйнштейна посетил репортер и задал ему специально подготовленный вопрос.

— Каким образом вы записываете свои мысли? Есть ли у вас для этого блокнот, записная книжка или вы пользуетесь целой картотекой?

Великий физик посмотрел на

репортера, стоящего с блокнотом наготове.

— Милый мой... Настоящие мысли приходят в голову так редко, что их нетрудно запомнить!

ПЕРЕНОС

Во время революции 1905 года Корней Иванович Чуковский, тогда еще совсем молодой, издавал в Петербурге сатирический журнал «Сигнал». В № 1 «Сигнала» он перепечатал возмущившие уже всю Россию слова душителя революции генерала Трепова: «Патронов не жалеть!» — но не просто перепечатал, а с таким вот переносом:

«па-
тронов не жалеть!»

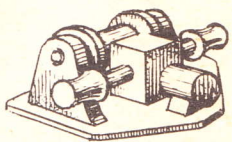
ЕЩЕ ДВЕ БОГИНИ

Во время войны с персами греческий полководец Фемистокл потребовал от жителей острова Андрос покорности и большой суммы денег.

— Я делаю это от лица двух великих божеств: Силы и Убеждения! — сказал Фемистокл.

— На покорность согласны, но в деньгах отказываем во имя столь же могущественных богинь: Нищеты и Невозможности! — ответили жители острова.

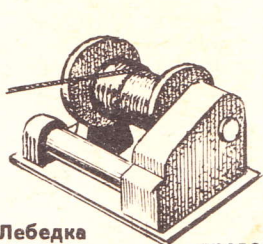
Брашпиль

Вымпел с созвездием Персея.

Военно-морской флаг 1924 г.

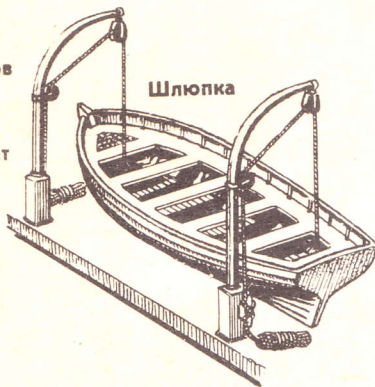
Лебедка

Крепление канатов

а) канат

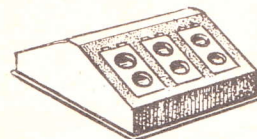
б) проволочный крюк

в) проволочное кольцо, ввинченное в палубу, борт и т. д.

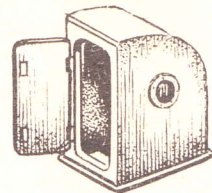

Шлюпка

Световой люк

Входной люк

а) жель или латунь

Блок

в) ось (булавка)
б) деревянный кружок

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ СУДНО „ПЕРСЕЙ“

Чтобы правильно изготовить модель «Персея», одного из первых советских научно-исследовательских судов, внимательно рассмотрим наш чертеж. Сделай свой чертеж, увеличив клеточки до размеров 2×2 см. Вырежь шаблоны шпангоутов из картона. Корпус судна выстругай из бруска дерева, контролируя свою работу этими шаблонами. Устройство деталей показано на наших рисунках.

Модель «Персея» ходовая, поэтому корпус выдолби и установи электромотор и батарейку. Для доступа к ним люк трюма должен открываться.

Корпус модели покрой олифой, а потом двумя—тремя слоями масляной краски, как это показано на рисунке.

При движении судна под мотором паруса снимай, иначе они помешают правильному курсу модели.

И. Секретарев

Рисунок и чертеж автора

Вид надстройки с правого борта

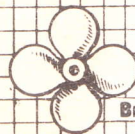

Вид надстройки с кормы

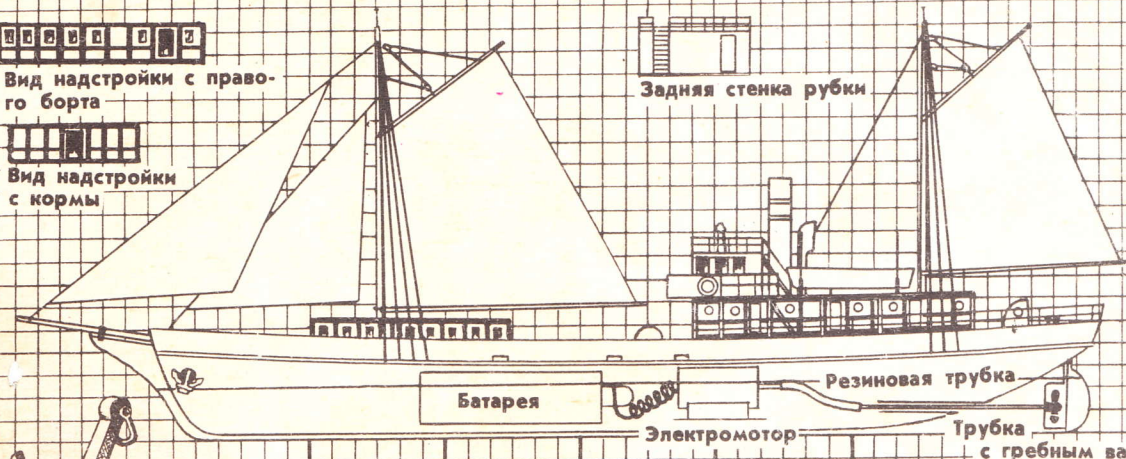

Задняя стенка рубки

Вентилятор

Винт

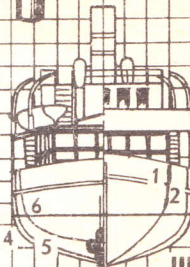

Батарея

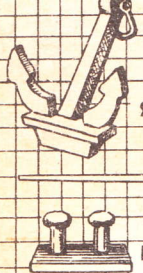
Электромотор

Резиновая трубка

Трубка с гребным валом

Шпангоуты

Якорь

Кнехт

Носовая надстройка

Люк трюма

Рубка

Кормовая надстройка

Размер клеточки 2×2 см

**СДЕЛАЙ
САМ**